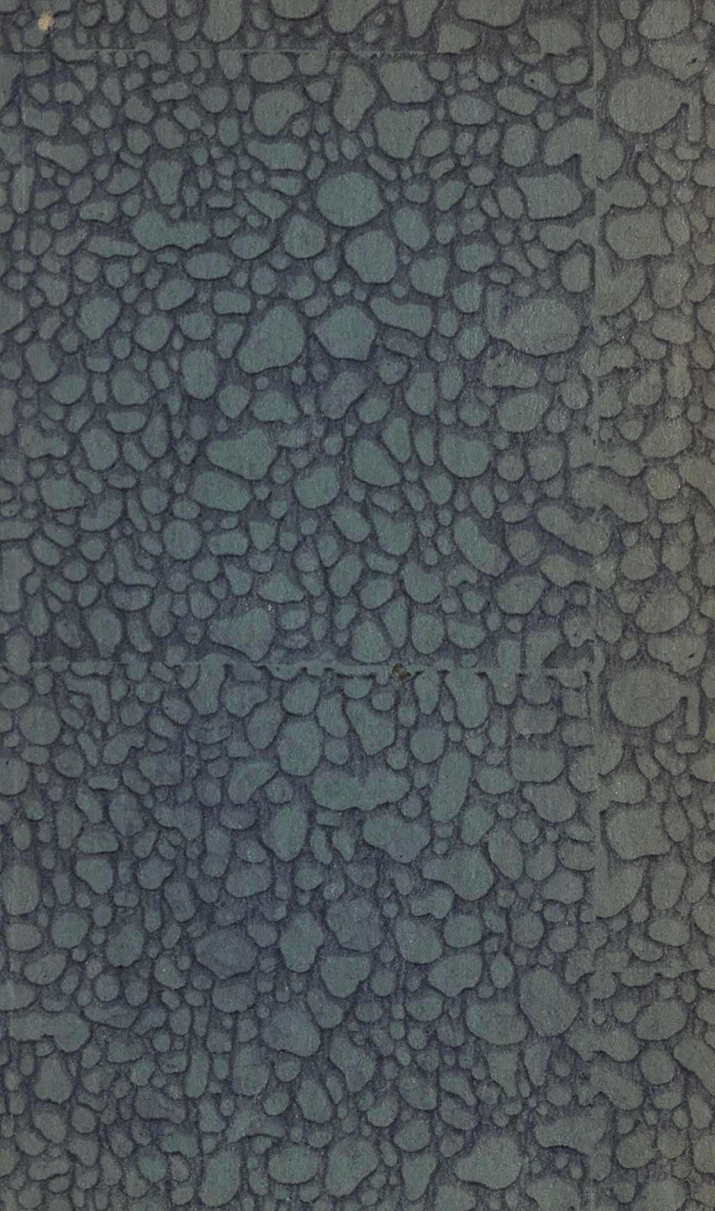

F 59
114.

T.

F 53
—
H 14

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

по

СУШЬ И МОРЕМЪ.

Кн. 1^{-я}

Издание М. Д. Ольхина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1843.

ИЗЪ
БИБЛІОТЕКИ
К. И. НЕВОСТРУЕВА.

~~А~~
68.1

нет []

1007 F 59
114

Кев
1354

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

по сушѣ и морямъ.

§ 1 2/viii.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ,

въ типографіи Н. Н. Бочарова.

1843.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпля-
ровъ. С. Петербургъ, 24 Мая 1843 г.

Ценсоръ П. Корсаковъ.

Издаю свои путевыя записки выпусками для того, чтобы имѣть возможность прекратить ихъ во всякое время, и если первая книжка вамъ не понравится, то вы не увидите второй, хотя она уже въ станкахъ типографіи. Описываю только то, что видѣлъ самъ, или слышалъ отъ очевидцевъ. Судьба кидала меня большею частію въ страны малоизвѣстныя и почти недоступныя для европейцевъ; на долю мою всегда доставались трудъ и лишенія; тѣмъ не менѣе участники въ моихъ странствованіяхъ, въ моихъ тяжкихъ экспедиціяхъ, съ сердечнымъ трепетомъ вспомнятъ бывшее, читая эти страницы: бывшее всегда такъ отрадно въ воспоминаніи!

ЗЮЛЬМА,

ИЛИ

ЖЕНЩИНА НА ВОСТОКѢ.

ТАШКЕНТЪ.

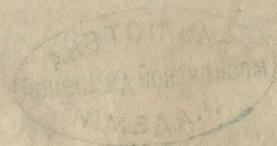

310 1 P M A

1111

RECEIVED BY POSTAL

LAURENCE

1500213911

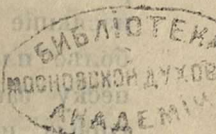
ВЮЛЪМА,

или

ЖЕНЩИНА НА ВОСТОКѢ.

— Я жилъ въ Ташкентѣ и уже начиналъ свыкаться со своимъ грустнымъ жизнемъ но надобно вамъ объяснить, что такое Ташкентъ?

— Въ Средней Азіи, составляющей обширную впадину всей Азіи, раскинуто на безграничномъ пространствѣ нѣсколько жилыхъ мѣстъ, нѣсколько городовъ, составляющихъ оазисы пустыни. Они образуютъ отдѣльные ханства, которыя мѣняютъ также часто свой видъ, какъ и зыбучіе пески, окружающіе ихъ. Это дѣлается очень просто: городъ цвѣтетъ торговлею и красуется азіатскою роскошью; онъ возбуждаетъ зависть и алчность сосѣда,

и вотъ непріятельскій набѣгъ; случай или сила благопріятствуетъ чуждому оружію: городъ разоренъ, богатства расхищены, жители уведены въ плѣнъ, изсякшіе каналы не поддерживаютъ болѣе плодородія и вскорѣ сугробы песку заносятъ развалины бывшаго города, и только изрѣдка, закинутый сюда прихотью судьбы, путникъ-европеецъ, остановится надъ этими развалинами и горько задумается надъ тщетою человѣческою.

Ташкентъ ни лучше ни хуже другихъ средне-азійскихъ городовъ, составляющихъ резиденціи ханствъ. Десять тысячъ низенькихъ, съ плоскими крышами, домовъ, разбросанныхъ въ самомъ прихотливомъ безпорядкѣ, обнесенныхъ большею частію стѣнами, и такимъ образомъ составляющихъ какъ бы отдѣльныя укрѣпленія; все это пересѣкается кривыми, узкими улицами и переулками, на которыхъ ни когда не увидишь и двухъ-колес-

ной повозки, не то чтобы другаго ка-кого экипажа; посрединѣ довольно обширная площадь, гдѣ кипитъ народъ во всякое время дня, если нѣтъ молитвы въ мечети, куда, волею или неволею, идетъ онъ на зовъ меэзина; вокругъ стѣна, въ четыре сажени вышиною, мѣстами разрушенная, мѣстами увѣчанная бойницами, — и вотъ вамъ Ташкентъ.

Ташкентъ и Коканъ, какъ слѣдуетъ двумъ добрымъ сосѣдямъ, ведутъ между собою безпрестанную войну; то подчиняются вмѣстѣ со своими городками и селами одинъ другому, то составляютъ два отдѣльные ханства. Въ бытность мою въ Ташкентъ, ханъ его, Юнусъ-Хаджи, разбилъ на голову коканское войско, схватилъ самаго хана, зарѣзалъ его, посадилъ въ Коканъ правителемъ своего человека и такимъ образомъ сталъ въ головѣ довольно многочисленнаго и сильнаго народа.

Странно! въ судьбѣ этихъ двухъ народовъ очень часто играетъ главную роль женщина: говорятъ, такъ ужъ имъ опредѣлено свыше! Еще недавно Коканъ, слитый воедино съ Ташкентомъ, выдерживалъ трехъ-лѣтнюю войну противъ Бухары и наконецъ, въ прошломъ году, покоренъ ею, — и причиною этому всему была женщина. Вотъ какъ было дѣло: — но я отсгупаю отъ своего предмета; что дѣлаю, старость болтлива! — Мегемедъ-Али, ханъ коканскій, послѣ смерти своего отца, женился на старшей его женѣ. Бухарскій ханъ, облекшій самъ себя званіемъ эмира, какъ блюститель магометанскаго закона, потребовалъ расторженія этого брака; мало, выдачи преступной жены и муллы, совершившаго такой бракъ, для поступленія съ ними по законамъ. Само собою разумѣется, что Мегеметъ-Али хотѣлъ быть самъ властителемъ своихъ поступковъ; муллу бы то онъ можетъ быть и выдалъ, а ужъ жены

ни кому не хотѣлъ уступить безъ бою, и вотъ загорѣлась война, продолжавшаяся три года; война, которой послѣдствія мы уже описали; прибавимъ къ этому, что и ханъ, и незаконная жена его, и преступный мулла попались въ плѣнъ; мулла уже казненъ, съ ханомъ поступать, вѣроятно, какъ поступаютъ ханы другъ съ другомъ, а жена, — но поступки эмира не подлежатъ нашему суду. *)

Въ Азіи двѣ породы людей, совершенно отличныхъ одна отъ другой въ нравственномъ отношеніи: это люди осѣдлые и люди кочевые. Человѣкъ осѣдлый — рабъ безусловный своего властителя; въ немъ только и чувства, только и страсти, что стремленіе къ барышу, къ наживѣ. Человѣкъ кочевый свободенъ, какъ птица поднебесная; удалъство, баранта, вотъ сфера, въ

*) По новѣйшимъ извѣстіямъ, Коканъ уже сбросилъ съ себя чуждое владычество и правится племянникомъ зарѣзаннаго въ Бухаріи хана.

которой онъ обращается; отсюда вѣчная борьба этихъ двухъ народовъ между собою. Окружите ихъ природою, находящейся также во враждѣ съ людьми; сосредоточьте страсти людей въ одну, которая, вслѣдствіе того, превращается въ изступленіе; накиньте на все это мрачный покровъ фатализма, — и вотъ вамъ нравственный міръ средне-азійской пустыни, на горизонтъ котораго, яркой звѣздочкой блестя любовь женщины, та дикая, замѣняющая всѣ чувства, всѣ страсти, всесокрушающая, всеоживляющая любовь, о которой мы не имѣемъ понятія. Тамъ женщина, въ своемъ заточеніи, только и живетъ для любви; ее обдумываетъ она въ длинные дни одиночества, ее лелѣетъ, ею гордится и красуется; она не знаетъ другихъ сердечныхъ волненій; она чужда мученій нашего свѣта, въ которомъ изнываетъ бѣдное женское сердце, это сокровище любви, бережно сохраняемое

на Востокъ только для того, кому назначить его судьба; и только любви, одной любви просить она за все самопожертвованіе; и какъ страшится, какъ дрожитъ она за эту любовь. Нейдетъ ли въ урочный часъ ея властитель-мужъ, и она бьется по комнатамъ, какъ бѣдная птичка, завидѣвшая изъ клѣтки своихъ птенцовъ, и ревность западаетъ ей въ сердце, а ревность женщины на Востокъ ужасна! она проявляется или яростію львицы, защищающей своихъ дѣтенышей, или мертвенностію отчаянія безпредѣльнаго.

Я расскажу одинъ случай: воспоминаніе живо, ярко развиваетъ предо мною свитокъ событій, едва я коснусь его.

Мы кочевали около Сыръ Дарьи. Въ караванъ общее вниманіе возбуждала женщина, о красотѣ которой рассказывали чудныя вещи, хотя лице ея было всегда закрыто, и едва ли кто изъ рассказчиковъ видѣлъ его. Женщина эта уже нѣсколько лѣтъ

была женою какого то богатаго хивинца, но Аллахъ не благословилъ ея дѣтьми, и вотъ она отправилась на поклоненіе какому то святому мужу, и теперь возвращалась домой. Все это мнѣ говорилъ очень подробно и очень красно нашъ толстый караванъ-баши, какъ вдругъ общая суматоха прервала его разглагольствованіе. Вдали открыли всадника, и караванный людъ былъ увѣренъ, что это передовой соглада-тай какой-нибудь баранты, которая не замедлитъ грянуть на караванъ. Все столпилось въ кучу, вооружилось какъ могло, хотя для того болѣе, чтобы придать себѣ грозный видъ и дешевле откупиться отъ баранты; но общій страхъ вскорѣ разсѣялся; всадникъ ѣхалъ прямо къ каравану, безъ всякихъ предосторожностей, и вскорѣ узнали, что это братъ нашей незримой красавицы. На другой день, рано до зари, поднялся караванъ и степь опять опустѣла. Мы всегда оставались на мѣстѣ нѣсколь-

ко времени по уходъ каравана и потомъ догоняли его на-рысяхъ; Джюлума *) наша уже была снята и мы любовались, какъ покинутые огоньки переигрывались между собою, то накидывая длинную тѣнь вдали, то ярко освѣщая окрестную пустыню. У одного изъ этихъ огоньковъ, мы замѣтили человѣческую фигуру и подошли къ ней, надѣясь найти такого же запоздалаго и лѣниваго путника, какъ мы сами. Каково же было наше удивленіе, когда мы узнали, по одеждѣ, ту самую красавицу, о которой слышались столько чудесъ. Она была не движима. Вѣтеръ спихнулъ съ нея покрывало. Въ лицѣ ея, полномъ красоты и молодости, какъ бы замерла жизнь въ минуту страшныхъ, судорожныхъ мученій; только пара движущихся, словно дѣйствіемъ внутренняго механизма, зрачковъ, обнаруживала признаки

*) Джюлума, дорожная киргизская кибитка, родъ войлочной палатки.

жизни въ этой женщинѣ. Поодаль отъ нея, бѣрать ея садился на коня и уводилъ съ собою другаго; мнѣ стало страшно за нее; я кинулся къ всаднику и остановилъ его.—А она? спросилъ я.—Она остается здѣсь.—Какъ, здѣсь?—А чтожъ ей дѣлать въ Хивѣ: мужъ измѣнилъ и отказался отъ нее.— И онъ уѣхалъ.

Мы подошли было къ покинутой всѣми страдалицѣ и хотѣли убѣдить ее ѣхать вслѣдъ за караваномъ, но она, медленно приподнявъ руку, вынула изъ-за пояса обнаженный кинжалъ: знакъ былъ очень понятенъ, и мы удалились.

Въ этомъ положеніи останется несчастная, пока воронъ не выклюетъ ей глазъ, пока вѣтеръ не приклонитъ къ землѣ и песчанья сугробы не занесутъ ее.—

Обращаюсь къ своему предмету: воспоминаніе о немъ и теперь возмущаетъ мою душу.

Я сказалъ, что начиналъ свыкаться со своимъ грустнымъ житьемъ въ Ташкентъ. Да, жизнь европейца-неагометанина не завидна въ Средней Азіи. Рѣдкій изъ тѣхъ немногихъ, которые вернулись оттуда, можетъ похвалиться, что онъ не отвѣдалъ яда, не испыталь побоевъ, или покрайней мѣрѣ не посидѣлъ въ ямѣ, что замѣняетъ тамъ наше тюремное заключеніе. Довольно вспомнить объ одномъ Вольфѣ, который едва ли не вытерпѣлъ всѣхъ пытокъ, былъ продаваемъ на всѣхъ рынкахъ Средней Азіи, и — какъ объяснить странность человѣческой природы — этотъ Вольфъ, вспоминаяшій очень хладнокровно о своихъ бѣдствіяхъ, не могъ говорить безъ выраженія особенной досады о томъ, что разъ его продали дешевле, чѣмъ его слугу. — А участь Муркрафта, Коноли и наконецъ Бюрнса, или Сикендеръ-Бурноса, какъ называли его въ Азіи? Положеніе мое, правда, было не таково: я пользовался,

хотя по наружности, дружбой хана и, вслѣдствіе того, уваженіемъ окружающихъ его. Мнѣ предоставлена была по-видимому совершенная свобода, но я зналъ, что за поступками, за всѣми движеніями моими строго слѣдятъ, и рѣдко показывался въ городъ; жилъ между своими, изрѣдка развлекаемый посѣщеніемъ своихъ ташкентскихъ друзей и не мѣшался въ ихъ интриги. Прекрасный садъ, расположенный у самого нашего дома и здоровый климатъ, которымъ одинъ Ташкентъ, изъ всѣхъ средне-азійскихъ городовъ, можетъ похвалиться, да развѣ еще Самаркандъ,—все это дѣлало существованіе мое очень сноснымъ. Но вдругъ неожиданное произшествіе разрушило весь миръ моей жизни.

Поздно вечеромъ, не знаю какъ, прокралась ко мнѣ, ни кѣмъ не замѣченная, старуха, негритянка: таинственно подошла она ко мнѣ и, наклонившись къ уху, произнесла шопотомъ:

счастье валится тебѣ съ неба; ты и во снѣ не бредилъ о такой благодати.

— Ступай за мной.

— Куда?

— Это ужъ мое дѣло.

— И мое также.

— Съ ума сойдешь отъ радости, когда узнаешь. Счастливецъ, счастливецъ, продолжала она, глядя на меня съ улыбкой и качая головой. Тебя зоветъ Зюльма. Зюльма, что краше самаркандской розы, Зюльма, любимая жена хана.

Я не пойду, отвѣчалъ я равнодушно.

Всѣ убѣжденія негритянки были тщетны; я твердо помнилъ, что пріѣхалъ сюда не для любовныхъ интригъ, и не поддавался ни какимъ искушеніямъ. Взбѣшенная, убѣжала она, но не прошло и получаса, какъ мнѣ доложили, что негритянка ожидаетъ меня.

— Прости меня, старую дуру, что я не такъ передала тебѣ волю ханши и не выдай меня злосчастною. Зюльма

рѣшилась принять тебя по просьбѣ хана, который, видишь, хочетъ тебѣ показать этимъ особенную свою дружбу. Самъ ханъ у нея, и они прислали звать тебя.

Это было довольно правдоподобно. Женщины въ Средней Азіи менѣе недоступны чѣмъ въ Турціи или въ Малой Азіи, и еще недавно Султанъ-Букей угощалъ меня въ кибиткѣ старшей изъ своихъ женъ. Я также зналъ сильное вліяніе Зюльмы на хана и народъ, и потому, хотя не безъ нѣкотораго сомнѣнія, отправился за негряткой.

Было поздно. Ташкентъ спалъ подъ сѣнію Кара-тау, который, какъ вѣрный пѣстунъ, берегъ его отъ песчаныхъ урагановъ степи. Сады, обнимающіе отовсюду городъ, навѣвали прохладу и благоуханіе. На душѣ было легко и весело; но это отрадное чувство безпрестанно возмущается въ городахъ Востока; мы коснулись главной площади, на которой возвы-

шалась пирамида изъ головъ человѣческихъ, недавній трофей, пріобрѣтенный въ побѣдѣ надъ коканцами; такихъ пирамидъ нѣсколько за городомъ: онѣ составлены изъ головъ киргизскихъ, которымъ нѣтъ того почета, какъ коканскимъ; далѣе, мы едва не задѣли за ноги ташкентца, торчащаго на колу: выкатившіеся глаза его сверкали страшно и искаженное судорогами предсмертныхъ мукъ лицо навело бы ужасъ на непривыкшаго къ подобнаго рода зрѣлищамъ. Не подумайте, однако, чтобы Юнусъ-Хаджи былъ какой нибудь необыкновенный тиранъ; нѣтъ! онъ былъ Средне-Азіійскій ханъ. За то вполне заслуживалъ уваженіе за другія свойства; силою непреклонной воли, онъ успѣлъ соединить во-едино разнородныя части своего ханства, которое разрушалось отъ междоусобій и безначалія, и заставить страшиться своей власти сосѣдей. Его упрекали въ

одной слабости, излишней страсти къ своей Зюльмъ, за которую онъ воевалъ съ коканскимъ ханомъ и готовъ былъ сразиться съ цѣлымъ свѣтомъ, но справедливъ ли этотъ упрекъ?

Наконецъ мы достигли жилища Зюльмы. Въ комнатѣ, слабо освѣщенной, на коврахъ, настланныхъ въ нѣскольکو рядовъ, сидѣла женщина, до половины закрытая покрываломъ, вмѣсто уродливаго халата съ черною сѣткою на лицѣ, подъ которымъ обыкновенно скрываются здѣсь женщины; голова ея, какъ созрѣвшій виноградный гроздь, склонялась долу; по колебанью покрывала видно было, что дыханіе ея было тяжело и прерывисто; она была одна. Ни словомъ, ни малѣйшимъ движеніемъ, она не привѣтствовала меня; удивленіе мое возрасло еще болѣе, когда старая негритянка ушла и щелконье ключа доказало мнѣ ясно, что мы были заперты, герметически заперты. Я игралъ очень жал-

кую роль, стоя, безмолвный и неподвижный, передъ закутанной въ фату ханшей.

— Послушай, сказала она мнѣ наконецъ, ты оскорбилъ меня, тяжело уязвилъ меня прямо въ сердце, ты презрѣлъ меня, отказавшись отъ свиданія, за которое бы другіе отдали полъ-жизни, отдали бы жизнь свою; ты не пришелъ на голосъ Зюльмы, но явился по приказанію ханши; ты былъ овечкой, вмѣсто того, чтобы быть человѣкомъ, благодарю и за то; я и не ждала другаго отъ Феринга. *) Ты думалъ, что я зову тебя на ложе любви..... и Зюльма судорожно смѣялась.....тебя.... Да простить тебя Аллахъ! тебя, бѣдный, жалкій и блѣдный, какъ полинялый, изношенный халатъ.

Изливъ свой гнѣвъ въ самыхъ язвительныхъ насмѣшкахъ, показывавшихъ ясно въ какой степени было задѣто ея женское тщеславіе, она вдругъ за-

*) Ферингъ—Европеецъ.

молкла, какъ бы вспомнивъ, что не слишкомъ ли ужъ многое высказала мнѣ. Я выслушалъ все съ хладнокровіемъ, истинно европейскимъ, которое еще болѣе раздражало ее и когда она перестала говорить, произнесъ прощальное слово.

— Пой, воскликнула она, вскочивъ, какъ изступленная, и часть покрывала, откинувшись назадъ при ея судорожныхъ, а можетъ преднамѣренныхъ движеніяхъ, открыла лице, исполненное красоты; въ немъ не было той античной правильности, въ которой господствуетъ величіе и холодность: ея красота была разнообразна и неуловима, какъ ярко-мечущій брызги водопадъ; лицо, то блѣдное какъ слоновая кость, то покрытое румянцемъ, глаза черные, какъ смоль и яркіе, какъ огонь; алыя, непрерывно движущіяся губы и эти стиснутые перлы зубовъ, — все говорило душѣ и отъ души: все въ ней было огонь и нѣга.

— Ты безъ чувства, безъ состраданія ко мнѣ, — пусть такъ; но не за себя я стану просить тебя; выслушай: есть женщина, она также изъ Ференгистана; молится тому же Богу, которому молишься и ты; также чувствуетъ, также думаетъ, какъ ты, и эта женщина страдаетъ, невыносимо страдаетъ, день и ночь молить своего Бога о спасеніи, и нѣтъ спасенія....

— Скажи, что я могу сдѣлать? выкупить ее, просить хана.... я готовъ.

— Выкупить... просить хана.... попробуй вырвать добычу изъ когтей тигра, когда онъ почувалъ запахъ крови! Эта женщина въ рукахъ самого хана, и не сегодня завтра сдѣлается его наложницей. Надобно его предупредить... слышишь ли, надобно ее похитить и выпустить на волю, какъ птичку къ празднику.

— Ты знаешь мои отношенія къ хану, ты знаешь нашу дружбу.....

— Такъ гдѣ же позоръ христіанкѣ быть наложницей.... Все это были сказки.... и ты самъ, конечно ты добылъ для хана эту невѣрную.... Ты мнѣ говоришь о своей дружбѣ съ ханомъ, которую продашь за теньку, съ ханомъ, который бы тебѣ давно надѣлъ петлю на шею, если бы не боялся мести..... Ты мнѣ станешь говорить о страхѣ Божіемъ, торгуя невинностью своей соотечественницы, кяфиръ проклятый.

— Есть мѣра всему, воскликнулъ я, выведенный наконецъ изъ терпѣнія....

— А, ты сердишься! значитъ у тебя есть сердце. Послушай же меня, мой милый, мой сердечный, вѣдь я тебѣ не объяснила дѣла.... ты не понялъ меня, и потому такъ упорно воспротивился моей волѣ. Видишь ли, я такая нетерпѣливая.

Да, я это ясно видѣлъ, и если ханша радовалась, открывши во мнѣ признаки сердца, то я сдѣлалъ не менѣе

важное геологическое открытіе, именно, что эта женщина принадлежит къ *породѣ вулканической*, и скорѣе согласился бы стоять у жерла самаго Везувія во время его изверженія, чѣмъ быть въ тогдашнемъ моемъ положеніи. Я очень понималъ, чего хотѣла она, — избавиться отъ соперницы, которая могла похитить у нея власть надъ ханомъ и народомъ, и для этого избрала меня орудіемъ; тѣмъ не менѣе, однако, эта соперница была христіанка, я это зналъ и прежде, и съ ужасомъ отвергнула всѣ предложенія хана. Я былъ униженъ, попранъ въ глазахъ ханши, которая, не зная и не желая знать моихъ отношеній къ властителю Ташкента, не могла объяснить себѣ моего поступка иначе, какъ трусостию, а что можетъ быть презрѣннѣе трусости въ глазахъ женщины и особенно азіатки, незнакомой съ высокими добродѣтелями Европы, гдѣ поступокъ мой называли бы великимъ

гражданскимъ героизмомъ. Но ханша казалось рѣшилась на все, чтобы только пріобрѣсть во мнѣ ревностнаго содѣйствователя своей воли. Она ласково взяла меня за руку и усадила возлѣ себя; рука ея, съ которой скатилась за-локоть рубаха, рука бѣлая и чудно округленная, обвилась вокругъ моей шеи, грудь колебалась у моей груди, дыханіе ея жгло меня и кружило воображеніе.

— Ты не бойся, говорила Зюльма, тутъ тебѣ не угрожаетъ ни малѣйшей опасности. Мы все устроимъ: завтра утромъ ты простишься съ ханомъ, а ночью я пришлю тебѣ его плѣнницу, — это уже мое дѣло какъ достать ее, — ты зашей ее въ тюкъ, да помѣсти въ свои парталы и до разсвѣта выступай въ путь; никто и не догадается, что за товаръ ты везешь; осматривать вьюковъ вашихъ не будутъ, я это знаю. Такъ чегожъ тебѣ бояться? А если ханъ и спохватится на другой день,

чтожь? Хоть бы и погоню послалъ за вами, и то не бѣда: побоитесь защищаться,—бросьте краденую вещь, оставьте невѣрную, и ступайте съ Богомъ.

— Ханъ растерзаетъ ее и ты будешь спокойна, сказалъ я, едва переводя дыханіе отъ сильнаго волненія.

— Ханша не отвѣчала, но она глядѣла на меня съ такою ясною улыбкой, что я понялъ ея отвѣтъ.

— А не нужна тебѣ эта невѣрная,—промѣняешь ее выгодно въ степи султану Абдуль-Хаиру: отъ него никто не вырветъ ее; и я тебѣ дамъ денегъ... Вотъ, видишь, ты и согласился, свѣтлое солнце моей жизни.

— Нѣтъ, я не согласился! воскликнулъ я, съ усиліемъ расторгая ея объятія, какъ бы расторгнулъ цѣпи въ минуту крайней опасности. Я не согласился, повторилъ я, страшась и самой мысли быть участникомъ ея дѣла и сию же минуту разрушить очаровательный

сонъ, который она навѣяла на меня.

— А, ты не согласился. Ты обманулъ меня.... ты только хотѣлъ упитъ-ся моими ласками. Такъ знай же, въ нихъ отравѣ; никто не упивался ими безъ кары ужасной или безъ наслажденія райскаго. Пускай будетъ моя погибель, но погибнешь и ты. — Она позвала свою негритянку. — Ступай! Зови сюдахана. Пусть видитъ мою преступную связь съ нимъ, — она указала на меня, — и накажетъ насъ судомъ Божиимъ. Чтожъ ты стоишь? иди! зови его, не то я крикомъ своимъ созову весь свѣтъ.

Несчастливая ханша едва могла говорить, задыхаясь отъ гнѣва; негритянка сначала сочла ее кажется за сумасшедшую, но послѣдняя угроза привела ее въ совершенное отчаяніе: она хорошо знала, что ожидало ея въ такомъ случаѣ, если бы ханъ узналъ о моемъ присутствіи здѣсь и съ воплемъ кинулась къ ногамъ Зюльмы.

— О, пощади меня, старуху, всегда тебѣ вѣрную, пощади себя; умереть страшно, а такою смертию, какую придумаетъ ханъ. пощади, пощади насъ, вопила она.

Истерическій смѣхъ и рыданія Зюльмы прервали ея проклятія; изнеможенная напоромъ гнѣва и ревности, она безъ чувствъ упала на землю.

О, какъ было больно, невыразимо больно глядѣть на ея страданія. Въ ту минуту я забылъ о собственномъ своемъ положеніи, а оно было не безопасно, потому что шумъ, произведенный Зюльмою, могъ привлечь ревнивый дозоръ хана или чуткій слухъ ея соперницъ, которыя конечно воспользовались бы этимъ случаемъ для пагубы ея. Не знаю, долго ли оставался бы я въ комнатѣ ханши, если бы негритянка не вывела меня оттуда и почти силою не вытолкнула за-ворота перваго двора, предоставивъ собственному произволу; но я хорошо зналъ

Ташкентъ и въ лабиринтъ его улицъ
отыскалъ безъ труда свое жилище.....

На другой день только и говорили
въ городѣ, что о христіанкѣ, плѣнни-
цѣ хана, внезапно исчезнувшей изъ
своей комнаты. Хотя эти толки велись
шопотомъ и съ видомъ глубокой тай-
ны, тѣмъ не менѣе однако они были
общіе всѣмъ; говорили, что дьяволъ
похитилъ плѣнницу; другіе видѣли,
какъ она порхнула птицей изъ слухо-
ваго окна, называли даже колдуна,
превратившаго ее въ птицу, котораго
ханъ велѣлъ отыскать и повѣсить.
Но люди, болѣе недовѣрчивые, та-
шкентскіе скептики, сомнительно ка-
чали головою и спрашивали: «а кровь?
Отчего очутилась кровь въ комнатѣ
плѣнницы?» Но ни кто не дерзнулъ
прибавить къ этой исторіи имя Зюль-
мы. Хана я не видѣлъ нѣсколько дней,
какъ ни силился дойти до него: мнѣ
было необходимо нужно съ нимъ ви-

дѣться, потому что жестокости, которыми онъ ознаменовалъ эти дни, бѣльшою частію раздражались надъ нашими плѣнными.

Плѣнница хана была французенка, родомъ, какъ кажется, изъ Пондишери.. Исторія жизни ея исполнена произшествій чрезвычайныхъ. Ее коротко знаетъ Вольфъ, который и теперь живетъ въ Лондонѣ и наслаждается своимъ счастьемъ, такою дорогою цѣною купленнымъ.

НЕССРЪ-УЛА

ХАНЪ И КУЧЪ-БЕРИ,

БУХАРА.

ИЗДАНИЕ - 2.11.14

ИЗДАНИЕ - 2.11.14

ИЗДАНИЕ - 2.11.14

НИСРЪ-УЛЛА БАХАДУРЪ ХАНЪ

И

КУЧЪ-БЕГИ.

Бухара эль шерифъ, Бухара святая, славная, только и города на Востокъ, что Бухара, Бухара рай земный, и мало-ль какихъ эпитетовъ не прилагаютъ азіатцы, и особенно бухарцы, говоря о своемъ отечественномъ городъ, и мало-ль какихъ сказокъ не повторяютъ с немъ. Напримѣръ: повсюду свѣтъ нисходитъ съ неба на землю, въ одной Бухаръ онъ занимается и восходитъ къ небу; это чудное явленіе видѣлъ самъ Магометъ, когда несся по поднебесью, сопутствуемый ар-

хангеломъ Гавріиломъ. — Извѣстный персидскій поэтъ, Ферлоуси, говоритъ, Бухара не городъ, рядъ городовъ. Европейскіе ученые придаютъ большую важность Бухарь и распространяютъ вліяніе ея просвѣщенія не только на Востокъ, но даже на старинный западъ (Гиббонъ). Я помню, какъ Гаммеръ, въ бытность мою въ Вѣнѣ, силился доказать, что въ училищахъ Бухары скрываются цѣлыя сокровища книгъ, особенно по части исторіи. Да, въ Бухарь много училищъ, болѣе 300, но все ученіе въ нихъ ограничивается чтеніемъ корана, различнымъ толкованіемъ его текста и богословскими диспутами, которые ведутся по извѣстной формѣ; это нѣчто въ родъ нашихъ старинныхъ бурсъ; къ довершенію сходства, бухарскіе ученики, во время каникулъ, ходятъ на заработки, какъ было нѣкогда и у насъ, и тѣмъ обезпечиваютъ свое существованіе на остальное время года, особенно въ тѣхъ

школахъ, на которыя мірская благо-творительность не слишкомъ распро-странилась; что же касается до исто-рическихъ памятниковъ, то они не могли уцѣлѣть, если бы и были, при-тѣхъ многочисленныхъ переворотахъ, которымъ подверженъ азіатскій городъ.

Послѣ всего, что мы слышали о Бу-харѣ, конечно не безъ сердечнаго трепета приближались мы къ ней, отыскивая взорами рядъ городовъ, о которыхъ говоритъ Фердоуси, и чтожъ мы не замѣтили Бухары, пока не толкнулись объ стѣны ея. Правда, роскошные сады, окружающіе загород-ные домики Бухары, сады, дышашіе ароматомъ и нѣгою юга, вполне воз-награждали наше ожиданіе и навѣва-ли отрадой на душу, истомленную еди-нообразнымъ видомъ пустыни, а мысль о кровѣ, о пріютѣ послѣ трехъ мѣсяч-наго странствованія въ степи, гдѣ не видѣли ни жилья, ни цвѣтущаго де-ревца, гдѣ все изчахло подъ вліяніемъ

раскаленныхъ лучей солнца или при-
топтано набѣгами Киргизовъ, эта
мысль заставила бы насъ забыть о са-
мой Бухарѣ, если бы оглушитель-
ный шумъ не возвѣстилъ, что мы уже
въ *святомъ* городѣ, въ которомъ можно
полагать до 70,000 жителей. Длинный,
почти сплошной рядъ стѣнъ, мѣ-
стами разрушенныхъ, тянулся вдоль
грязной и узкой улицы. Только боль-
шіе крытые базары, мечети и ка-
раванъ - сарай, лицомъ къ площа-
дямъ, разнообразили городъ, да *аркъ*,
дворецъ Хана, укрѣпленный и стоящій
на высотѣ во всеувидѣніе, возвѣщалъ
о присутствіи власти деспотической.

Грустное впечатлѣніе сдѣлала на
меня Бухара.

Я не стану вамъ ее описывать
въ подробности; послѣ описаній Мей-
ендорфа и Бюрнса, это былъ бы лиш-
ній трудъ, и остановлю ваше внима-
ніе на ханѣ Нессръ-Умль, который
еще не былъ ханомъ въ бытность

Мейендорфа въ Бухарь, а Бюрнсъ не удостоился быть ему представленнымъ.

Нессръ — Улмъ, нынѣшнему хану Бухаріи, не болѣе 35 лѣтъ; онъ средняго роста, медленной и важной походки, худъ, въ лицѣ видно истомленіе сладострастной жизни, и блѣдность его выказывается еще ярче отъ бѣлой чалмы, навитой очень толсто на голову его; небольшіе черные глаза его въ безпрестанномъ движеніи, но если онъ говорить что-нибудь противное своимъ чувствамъ или старается увѣрить въ томъ, чего никогда не исполнить, то опускаетъ свои глаза въ землю, какъ бы боясь, чтобы въ нихъ не прочли его тайной мысли, и набожно поглаживаетъ свою окладистую, прекрасную бороду. *) Бухарцы говорятъ, что онъ храбръ, какъ левъ; — эта добродѣтель идетъ всегда впереди прочихъ въ Азіи; — правда, онъ лично водилъ войска свои нѣсколько разъ на

*) Портретъ его вскорѣ будетъ отлитографированъ.

Коканъ , но поведеніе его въ последнемъ походѣ при Пишагарѣ не доказываетъ въ немъ большой храбрости. Страсть къ славѣ, къ завоеваніямъ, въ немъ есть, и онъ далеко не похожъ на тѣхъ хановъ , которые проявляютъ власть свою однимъ насиліемъ и тиранствомъ, живутъ въ сералѣ и умираютъ на висѣлицѣ. Нессръ-Улла сдѣлалъ много добра Бухаріи. Устройство артиллеріи и регулярнаго полка въ 1000 человекъ (сарбазовъ) оказало ему чрезвычайную пользу въ войнѣ съ Коканцами. Но всего ярче проявилась сила его характера въ низложеніи Кучь-бегія.

Кучь-бегі представлялъ характеръ совершенный въ восточномъ родѣ; онъ ни въ чемъ не измѣнилъ себѣ въ теченіе всей жизни, и самый опытный романистъ не могъ бы создать столь полнаго характера, не могъ бы выдержать его такъ постоянно отъ начала до конца. Кучь-бегі былъ первымъ министромъ при

покойномъ отцѣ хана, Миръ-Хайдеръ, и пользовался неограниченною его довѣренностію. Умный, хитрый, вкрадчивый, корыстолюбивый, суевѣрный, властолюбивый, онъ не щадилъ никого для достиженія своей цѣли, все и всѣхъ считалъ онъ за средства, которыя могъ употреблять по произволу, лишь бы онъ давались ему.

Властвовалъ собственно Кучъ-беги, а Миръ Хайдера тѣшилъ онъ призракомъ власти и названіемъ хана, но тѣмъ не менѣе надобно было его безпрерывно тѣшить или усыплять, чтобы онъ не очнулся и не поступилъ съ нимъ такъ, какъ поступилъ въ послѣдствіи Нессръ-Улла.

Произшествіе, которое я сей часъ разскажу, отчасти выказываетъ характеръ Кучъ-бегія. Онъ былъ не здоровъ и не веселъ, когда ему сказали, что въ Бухару пришелъ ферингъ, европеецъ, а зовется Мартынъ. Кучъ-беги, безъ дальнѣйшихъ изслѣдованій, велѣлъ феринга посадить въ яму, а

деньги и имущество у Феринга отобрать. Вслѣдъ за тѣмъ доложили, что у Феринга ни денегъ, ни какого вещественнаго имущества не оказалось, а есть какое то особенное, которое онъ покажетъ самому Кучь-бегію. Позвали Феринга.

Мартынъ, — не станемъ называть его по фамиліи, тѣмъ болѣе, что онъ извѣстенъ во всей Средней Азіи подъ именемъ Мартына и едва ли самъ помянуть свою первоначальную фамилію, которую онъ мѣнялъ по произволу, — Мартынъ родился въ Галиціи; кое-чему учился, кое-что наслѣдовалъ отъ *почтенныхъ* своихъ родителей, и съ этимъ незначительнымъ запасомъ покинулъ родину и отправился въ путь; переходилъ изъ города въ городъ, изъ страны въ страну и наконецъ очутился въ Лагоръ, медикомъ въ арміи мага-раджи Реджидъ-Синга. Не подумайте однако, чтобы онъ принялъ это званіе, потому что былъ къ нему при-

готовленъ; вовсе нѣтъ! онъ также точно согласился бы быть инженеромъ или артиллеристомъ, если бы ему предложили то, или другое. Все это было дѣломъ случая. Мартынь поступалъ по нѣмецкой пословицѣ: Богъ далъ мѣсто, дастъ и умъ! и дѣйствительно Мартынь, покровительствуемый генераломъ Вентурою, былъ отличнымъ медикомъ, скопилъ себѣ небольшое состояніе и жилъ припѣваячи, какъ вдругъ попалъ въ извѣстную исторію, которая была между генералами Вентурой и Куртомъ за карету, единственную карету въ Лагоръ, поссорился со своими покровителями и долженъ былъ оставить владѣнія магараджи. Въ Индіи ему нечего было дѣлать и онъ пробирался на сѣверо-западъ, въ Среднюю Азію, не зная ни края, куда шель, ни цѣли, къ которой стремился. Онъ имѣлъ въ виду только одно, что въ Европѣ безъ денегъ плохо, а пріобрѣсти ихъ трудно.

Въ Кундузъ, ханъ Мурать-бей, какъ водится, ограбилъ его и выбросилъ за городъ, потому что считалъ его ни къ чему не годнымъ. До Бухары до тащился онъ мірскою милостынею.

— Посмотримъ, что за сокровище у тебя, сказалъ ему Кучъ-беги; какойнибудь поддѣльный камень: знаю я васъ, европейцевъ, но меня не легко обмануть.

— Мое сокровище — знаніе! отвѣчалъ твердо Мартынъ.

Кучъ-беги, не знавшій этой фальшивой монеты Европы, принялъ слова Мартына за насмѣшку и пришелъ въ изступленіе. — Ты смѣлъ оплевать мою сѣдую бороду, посмѣяться надъ прахомъ предковъ моихъ.... и прочее и проч. — Потокъ гнѣва его лился неукротимо; но Мартынъ выдерживалъ напоръ его хладнокровно; только когда дѣло дошло до палокъ, онъ сказалъ, нетеряя впрочемъ своей обычной смѣлости: «я пока-

жу тебѣ это знаніе. Ты боленъ, я излечу тебя; ты скученъ, я развеселю тебя.»

Кучь-беги укротился: это чортъ, а не человѣкъ, произнесъ онъ. Мартыну только этого и надобно было: ему гораздо выгоднѣе было слыть чортомъ, нежели человѣкомъ.

Вслѣдъ за тѣмъ онъ далъ Кучь-бегію слабительное, и тотъ выздоровѣлъ; принесъ ему дистиллированной виноградной водки, и Кучь-беги, предававшійся въ тайнѣ запрещенному напитку, не могъ надивиться искусству феринга. Мартынъ далъ ему еще какого то снадобья, за которое старикъ благодарилъ его болѣе всего. — Словомъ, судьба Мартына совершилась. Съ этихъ поръ начинается длинный рядъ его продѣлокъ, о которыхъ мы еще будемъ говорить.

Кучь-беги любилъ деньги не какъ средство, а какъ цѣль; любилъ въ нихъ металлъ, блескъ, звукъ, форму, нерѣдко безобразную, любилъ въ нихъ все,—а

эта страсть, какъ извѣстно, самая сильная, самая изступленная. Мы уже замѣтили, что онъ не щадилъ никакихъ средствъ для пріобрѣтенія денегъ, но нерѣдко духовенство, со своимъ кораномъ, разрушало самыя бойкія его затѣи. Такъ, однажды, онъ хотѣлъ увеличить пошлину съ привозныхъ товаровъ, но муллы ему доказали ясно, что коранъ претитъ брать съ товаровъ музульманъ болѣе одного процента съ тридцати, и онъ долженъ былъ ограничиться налогами на однихъ кяфировъ, но и тутъ оказалось важное неудобство. Армяне и Индѣйцы, принимавшіе важное участіе въ торговлѣ Бухаріи, особенно первые, должны были избрать другой путь своей дѣятельности и Бухара, считавшаяся первымъ рынкомъ Средней Азіи, начинала утрачивать свою торговую важность, а это относилось къ Кучъ-бегію лично, потому что онъ былъ первымъ купцомъ въ городѣ, по преимуществу купеческомъ.

Главнѣйшая отрасль доходовъ Кучъ-бегія состояла въ косвенныхъ поборахъ. Онъ тщательно подстерегалъ богатыхъ купцовъ, и едва ктонибудь выказывался изъ толпы, немедленно являлись на него доносы или въ несоблюденіи правилъ вѣры, или въ употребленіи запрещеннаго Магометомъ напитка, или въ обмѣриваніи, обвѣшиваніи и проч. улика всегда была наготовѣ, и только значительный выкупъ, и нерѣдко конфискація всего имѣнія, спасали жизнь виновнаго. Въ Бухарѣ всѣ ходили только что не въ рубищахъ, повѣсивъ головы, набожно поглаживая бороды и бережно затаивъ свои мысли, не только поступки; но и тутъ Кучъ-бегіи находилъ своихъ жертвъ, и въ этомъ случаѣ Мартынь былъ дѣятельнымъ его помощникомъ. Онъ имѣлъ тѣсныя связи съ бухарскими евреями, по единовѣрію ли, — неизвѣстно было за истину какой религіи онъ придерживался, — или единомыслію, и черезъ нихъ вы-

вѣдывалъ о богатствѣ и тайныхъ поступкахъ бухарскихъ подданныхъ; но наконецъ и эта мѣра налоговъ не могла же быть неистождимою; правда, ханъ мало обращалъ вниманія на повсемѣстную, особенно наружную бѣдность; онъ ханжилъ и довольствовался тѣмъ, что видѣлъ мечети, наполненныя народомъ, а благословенія ли возсылаютъ они, или проклятія,—онъ объ этомъ не справлялся; худо было то для Кучъ-бегія, что многіе дѣйствительно обѣднѣли, другіе оставили Бухару. Онъ позвалъ Мартына.

Ты осель, а не мудрецъ, сказалъ онъ ему, и золота тебѣ не выдумать, мнѣ сказалъ Сикендеръ, (Бюрнсъ, котораго Кучъ-беги уважалъ) такъ научи, какъ пріобрѣсти его. — Мартынъ давно придумалъ одно очень затѣйливое, по его мнѣнію, предпріятіе, которое сильно отдавалось Европой и только дожидалъ случая, чтобы объяснить его умному визирю.

— У васъ, въ благословенной Бухарѣ, сказалъ онъ, выпиваютъ чаю въ день столько, сколько въ другомъ мѣстѣ не выпьютъ воды; только и видишь, что чайныхъ продавцевъ на всѣхъ перекресткахъ, не говорю о каравансараяхъ. Бухарецъ слова не скажетъ, не выпивши чашки чаю.

«Благодаря Аллаха, народъ эмира благоденствуетъ; но мнѣ что изъ того?

— Мелкіе продавцы и обманываютъ и обкрадываютъ народъ: запрети имъ эту промышленность, предоставь ее одному себѣ, или отдай на откупъ.— Мартынъ объяснилъ, что значитъ откупъ, и смѣтливый визирь тотчасъ понялъ: глаза его заблестали радостью. Ты точно мудрецъ, воскликнулъ онъ. Но коранъ?

— Коранъ ничего неговорить о чаѣ.— Но Мартынъ ошибся. Духовенство ясно доказало кораномъ, что эта мѣра противна религіи и возстало противу нея

всею своею силою. Вскорѣ померъ старый эмиръ и звѣзда счастья Кучь-бегія закатилась: блестящее предпріятіе его не удалось.

Мартынъ съ званіемъ доктора долженъ былъ необходимо соединять званіе астролога, предвѣщателя и проч. Однажды старый ханъ вздумалъ похрабриться и собрать войско противъ Хивы; ему нехотѣлось подвергать своей особы опасностямъ и лишеніямъ похода и онъ ввѣрилъ войско начальству Кучь-бегія. Какъ было отдѣлаться отъ этого порученія визирю? Онъ посоветовалъ хану спросить у звѣздъ, благопріятна ли будетъ эта война и какимъ образомъ вести ее? Призвали Мартына, и тотъ, разсмотрѣвъ, какъ слѣдуетъ, небо, отвѣчалъ положительно, что походъ удастся, но для блага Бухаріи нужно, чтобы Кучь-беги оставался дома и не покидалъ кормила государственнаго правленія. — Войско отправилось подъ начальствомъ какого-

то узбека, но не прошло и двухъ недель, какъ оно прибѣжало назадъ, разбитое непріятелемъ и гонимое страхомъ. Ханъ велѣлъ казнить главноначальствующаго экспедиціей и Мартына; но Кучь-беги спасъ Мартына. «Что ему въ своей головѣ, возразилъ онъ хану; захочетъ, найдетъ другую; вѣдь онъ самъ дьяволъ: зачѣмъ же наживать его злобу.»

Это обстоятельство показало Мартыну всю невѣрность его положенія въ Бухарѣ; а хлѣбъ, добываемый имъ, былъ тяжелъ и горекъ. Можетъ быть Мартынъ заглянулъ и внутрь себя, вѣдь бываютъ же эти злосчастныя минуты въ жизни, и ему стало страшно убить нравственное существованіе свое, убить надежду на будущее, надежду, единственную утѣшительницу въ жизни... Обѣдность, обѣдность, до чего ты низводишь людей! Проповѣдуйте о твердости, о нравственномъ величій духа, лежа въ бархатныхъ креслахъ, а низойдите до положенія Мартына...

Какъ бы то ни было, онъ рѣшился оставить Бухару. Россія ему представлялась еще Азіей, только болѣе гостепріимной, въ которой было много не початыхъ рудниковъ для его дѣятельности, и онъ рѣшился ѣхать въ Россію. Послѣ долгихъ усилій, Кучъ-беги отпустилъ его, но, какъ водится, велѣлъ прежде обобрать его съ ногъ до головы. Мартынъ, наученный опытомъ, предвидѣлъ это и вручилъ свой маленькой капиталецъ одному честному еврею, который и возвратилъ его въ цѣлости на границѣ русской. Не посчастливилось Мартыну и въ Россіи...

Судьба Кучъ-бегія совершилась иначе. Молодой ханъ Нессръ-Улла, выведенный наконецъ изъ терпѣнія деспотическими поступками Кучъ-бегія, рѣшился отдать приказаніе схватить его, но такъ испугался этой минутной рѣшимости, что выѣхалъ за городъ и окружилъ себя войскомъ; онъ готовъ былъ отмѣнить это распоряже-

ніе, какъ ему донесли, что Кучь-беги уже схваченъ и брошенъ въ яму. Имѣніе его было конфисковано, но Нессръ-Улла оставилъ на этотъ разъ ему жизнь, по просьбѣ старой ханши, своей матери. Кучь-беги удалился, по соизволенію хана, въ маленькое, оставленное ему помѣстьи и жилъ какъ истинный философъ, узнавшій всю тщету чловѣческой власти. Разъ, сидя со своими домашними въ саду, онъ увидѣлъ цѣлую ватагу приближавшихся къ нему вооруженныхъ людей: это мои палачи, сказалъ онъ равнодушно,—и дѣйствительно это были палачи, присланные ханомъ. Кучь-беги пошелъ на казнь, также безпечно, какъ онъ ходилъ въ свой садъ.

ЭКСПЕДИЦІЯ

НА

ПУТИ ВЪ БУХАРУ

И ВОЕННАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ, ДѢЙСТВОВАВШАЯ ПРОТИВЪ
ХИВЫ.

(1839—1840 ГОДА)

Посвящено К-нѣ Ал-нѣ Гер....сѣ.

ЭКСПЕДИЦІЯ

НА

ПУТИ ВЪ БУХАРУ

И ВОЕННАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ, ДѢЙСТВОВАВШАЯ ПРОТИВЪ
ХИВЫ.

(1839 — 1840 годъ. Киргизъ-казацья степь).

Мы давно уже совершили обыкновенный караванный переходъ, но, по просьбѣ одного изъ спутниковъ нашихъ, все еще шли впередъ, до мѣстъ, которыя онъ хотѣлъ указать намъ, и только около вечера остановились близъ Менъ-эвліи (въ Большихъ Барсукахъ).

Вотъ мѣсто нашихъ печальныхъ приключеній, сказалъ онъ, и когда при-

вѣтливый огонекъ освѣтилъ и согрѣлъ нашу джулому, когда благодатный чай освѣжилъ насъ, онъ началъ читать свой путевой журналъ 1839—1840 годовъ, памятныхъ въ киргизской степи по многимъ отношеніямъ. Я передаю этотъ журналъ, только съ нѣкоторыми сокращеніями. *)

*) Экспедиція въ Бухару, состоявшая изъ 14 человекъ, шла при купеческомъ караванѣ; она выступила изъ Оренбурга за нѣсколько дней до выхода военной экспедиціи противъ Хивы, когда непріязненные дѣйствія между Россіей и этимъ ханствомъ уже начались.

ГЛАВА I.

Сборы караванныхъ вошпиковъ. Кочевка ауловъ Уту-
рали; его затруднительное положеніе. Разговоръ
съ нами. Онъ ввѣряетъ своего сына въ вожатые.
Отправленіе Мамбета въ отрядъ, дѣйствующій про-
тивъ Хивы. Быстрота сообщеній между Кирги-
зами.

21 Ноября. Большіе Барсуки.

Между тѣмъ, какъ военная экспеди-
ція противъ Хивы подвигалась къ Эмбѣ,
мы, окруженные дозоромъ хивинскихъ
посланцевъ, возбуждившихъ противъ
насъ враждебныхъ Киргизовъ, въ те-
ченіе нѣсколькихъ дней оставались
неподвижными на Большихъ Барсукахъ,
въ аулахъ Чиклинскаго рода, или кру-
жили около нихъ, подъ тѣмъ предло-

гомъ, чтобы дать время вошикамъ приготовиться въ дальнѣйшій путь, перемѣнить больныхъ верблюдовъ, заpastись пищею и проч., и междутѣмъ, какъ тѣ пировали въ своихъ аулахъ, ихъ батыри и старшины пировали въ нашемъ караванѣ, воровали и грабили, слѣдуя повсюду за нимъ со своими аулами.

Пестра и занимательна картина кочевки киргизскаго аула. Съ вечера, на канунъ выступленія, въ немъ спокойно и беззаботно, но завтра приходитъ все въ движеніе: мужчины вихремъ несутся по разнымъ направленіямъ степи; старшины отыскиваютъ воду и удобныя пастбища для становья, сторожевые выглядываютъ барантовщиковъ, которые предпочтительно нападаютъ во время перехода аула, иные собираютъ стада, другіе наконецъ рыщутъ для потѣхи, отъ нечего дѣлать; между тѣмъ бѣдныя женщины снимаютъ кибитки, выючатъ верблюдовъ,

укладываютъ на нихъ дѣтей и маленькихъ ягнятъ, потомъ и грязью покрываются въ этой изнурительной работѣ; за то, послѣ, наряжаются въ лучшія свои платья, садятся на убранныхъ коней, и длинная вереница верблюдовъ выступаетъ почти подъ прикрытіемъ ихъ однихъ, потому что мужчины, какъ мы уже замѣтили, не любятъ ташиться въ шагъ верблюда, и тутъ то бѣльшеею частію налетаетъ лихая банта, и прежде чѣмъ всадники соберутся на крикъ и шумъ, отхватываетъ навьюченныхъ верблюдовъ, лошадей, стада овецъ, увозить женщинъ, которыя часто бываютъ предметомъ этихъ набѣдовъ, и нерѣдко заодно съ барантовщиками.

Послѣ многихъ переходовъ, или, правильнѣе, обходовъ, достигли мы ауловъ Утурали. Каково же было наше удивленіе, когда онъ, послѣ перваго холднаго свиданія съ нами, скрылся, и, не смотря на всѣ усилія наши, не

смотря на то, что находился почти безвыходно въ караванъ, непоказывался намъ. Наконецъ, разъ, въ полночь, онъ взошелъ въ нашу кибитку со всевозможными предосторожностями, — «Я погибъ, если узнають о моихъ сношеніяхъ съ вами, были первыя слова его; Науманъ (хивинскій посланецъ) сторожитъ насъ, и моя безусловная преданность Россіи возбуждаетъ давно его подозрѣнія.» Я отдалъ Утурали нисьмо отъ султана—правителя Юсупа и требовалъ искренняго и рѣшительнаго совѣта относительно своего положенія.

Утурали сомнительно покачалъ головой. Это былъ старикъ лѣтъ 75, бодрый и здоровый, съ нависшими съдыми бровями, съ чертами лица общими «черной кости, но выказывавшій свое внутреннее достоинство обращеніемъ важнымъ и какою то самоувѣренностію въ словахъ. Онъ пользовался совершеннымъ довѣріемъ Русскаго правитель-

ства, имѣлъ отъ него двѣ медали, и не смотря на свое сильное вліяніе на Киргизовъ, держался между правительствами Хивинскимъ и нашимъ, не возбуждая противъ себя ни ненависти своихъ, ни подозрѣнія сосѣдственныхъ властей, изъ которыхъ одной платилъ онъ поголовной податью, а другой истинною, хотя малоплезною преданностію. Эта двойственная роль, извиняемая его настоящимъ положеніемъ, свидѣтельствуется о его умѣ и ставитъ высоко между Киргизами. Впрочемъ, политическая жизнь Утурали еще не кончилась, и будетъ чудо, если онъ не испытаетъ превратности судьбы на своемъ скользкомъ пути. *)

«Пока въ моемъ аулѣ, вы безопасны, сказалъ онъ, никто не захочетъ нажать себѣ пожизненной вражды моей и моихъ дѣтей; но только

*) Утурали получилъ чинъ хорунжаго, за его содѣйствіе въ нашемъ дѣлѣ.

оставите аулы, я неручаюсь болѣе ни за что.» Въдъ мы умѣли отстаивать себя до сихъ поръ, отвѣчалъ я. — «Потому что не было дружнаго нападенія, потому что вы были недалеко отъ своихъ укрѣпленій и имѣли подъ рукой нѣсколько преданныхъ себѣ старшинъ; но чѣмъ вы болѣе станете удаляться отсюда, тѣмъ положеніе ваше будетъ сомнительнѣй. Съ Науманомъ идетъ въ Хиву на службу наша молодежь, безначальная и буйная; ей будетъ весело сослужить хану первую службу и представить ему васъ, а еслибы не достало для этаго нашихъ Киргизовъ, то въ аулъ Джингази, котораго вы встрѣтите, найдется довольно удалцовъ на такое дѣло. На караванныхъ людей и на бухарскаго эльчи, посла, какъ вы видѣли, вамъ нечего надѣяться; при первомъ появленіи вооруженнаго всадника, они скроются въ своихъ джуммахъ, какъ было въ ту пору, когда окружила васъ шайка Акмана.»

— Въ такомъ случаѣ надо тайно оставить караванъ и однимъ прокрасться въ Бухару: ты конечно добудешь намъ хорошихъ вожаковъ, а можетъ и самъ захочешь насъ проводить.

«Нѣтъ, сказалъ онъ рѣшительно, этого небудетъ, у cadaго колодца на Кизиль-кумъ сидятъ Киргизы, преданные Хивѣ, и птица не пролетитъ, непримѣченная ими; а если-бы вы и миновали ихъ, то какъ вамъ избѣжать хивинцевъ, которые сторожатъ на всѣхъ трехъ путяхъ между Сыромъ и Куванью. Съ правой стороны стоитъ Бабаджанъ съ 300 Хивинцевъ и Каракалпаками, на полдень, прямо, Туджа-Ніазъ съ 350 челоуѣками, большею частію Туркменовъ, а на восходъ солнца самъ Веизъ съ Хивинцами и цѣлою ордою преданныхъ имъ Киргизовъ. Думаете ли, что Науманъ не далъ имъ знать о томъ, что вы идете въ Бухару, и не станетъ слѣдить васъ на побѣгъ?»

Нѣтъ, по моему лучше прямо ѣхать въ Хиву, чѣмъ дѣлать этотъ обходъ, а еще лучше предаться волѣ Божіей и ожидать отъ нея рѣшенія своей судьбы.»

— А по моему не такъ, отвѣчалъ я съ досадой, и прежде чѣмъ попаду въ Хиву, испытаю всѣ средства, чтобы избавиться отъ нея. Я призвалъ тебя за тѣмъ, чтобъ ты помогъ намъ, или, по крайней мѣрѣ, подалъ мудрый совѣтъ въ этомъ дѣлѣ; а если бы мнѣ нужно было учиться вашей вѣрѣ въ предопредѣленіе судьбы, то я послалъ бы за муллою и не вводилъ бы тебя въ напрасный страхъ, подпасть въ немилость Наумана, которому вы здѣсь держите стремя, когда онъ садится на лошадь.

«Мудры твои рѣчи, но и въ моихъ есть смыслъ; скорѣе Науманъ станетъ держать стремя моего сѣдла, чѣмъ я его.»

— Утурали, время дорого, сказалъ я рѣшительно, хочешь ли ты доказать преданность свою Россіи, хочешь ли быть полезнымъ намъ? вспомни, я писалъ съ Мамбетомъ, что мы вполне предались тебѣ, и что спасеніе и гибель наша падеть на тебя.

Я забылъ сказать, что за нѣсколько дней до этого, собравъ довольно положительныхъ свѣдѣнія о движеніи войскъ хивинскихъ на Акъ-булакское укрѣпленіе и о положеніи дѣлъ въ самой Хивѣ, я рѣшился извѣстить обо всемъ Корпуснаго Командира, который, съ отрядомъ войскъ, былъ уже, по моему расчету, на пути около Бишъ-тамака. Съ этими свѣдѣніями послалъ я Мамбета, какъ единственнаго человѣка, на вѣрность котораго могъ положиться, хотя присутствіе его при мнѣ было не только полезно, но почти необходимо, а поѣздка его была не безопасна. Дѣйствительно, не прошло и часа, какъ Киргизы узнали о его отбытіи: подня-

лась тревога, изготовилась погоня, но было поздно: Мамбетъ былъ далеко. Аулы боялись, чтобы онъ не навелъ на нихъ Русскій отрядъ, и въ этомъ страхѣ оставался самъ Утурали, а потому слова мои сильно взволновали его; старикъ нѣсколько задумался и потомъ началъ.

Оставить караванъ надобно непременно; но куда идти? На Оренбургъ далеко, и нельзя обойтись на пути безъ верблюдовъ, а съ ними не уйдешь отъ погони; на Орскъ—надо проходить опять аулы Акмана; кромѣ того вы можете попасть на шайку Кенисары, или его тестя; на Чушка-куль (Акъ-булакъ) и думать нечего: теперь навѣрное хивинскіе отряды заняли всѣ перепутья къ нему, а можетъ смѣнили Русскихъ и въ самомъ укрѣпленіи; на Эмбѣ *) всего бы лучше и почти ближе,

*) На Чушка-куль и Эмбѣ были временныя укрѣпленія военной экспедиціи, дѣйствовавшей противъ Хивы.

но туда и погоня будетъ всего скорѣе: рѣшайте сами, прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

Я рѣшилъ, былъ мой отвѣтъ. Остается пайти вожатыхъ.

Утурали неспрашивалъ, какой путь я избралъ, постигая всю важность тайны. «Вожатаго нечего далекоискать, сказалъ онъ, я дамъ вамъ своего любимаго сына, Ніаза, вы его знаете, пускай умретъ тамъ, гдѣ умрете вы; этимъ онъ докажетъ и благодарность свою къ вамъ и преданность отца вашему правительству.» Я понималъ всю святость такого пожертвованія и не расточалъ благодарности, которая во всякомъ случаѣ была бы ниже своего предмета.

Разговоръ склонился на положеніе Хивы, изъ которой недавно прѣхали въ аулъ базарчи, а въ числѣ ихъ одинъ изъ сыновей Утурали. Раздѣляя общее

мнѣніе азіатцевъ о силѣ Хивы, а болѣе о недоступности ея, онъ сомнѣвался въ успѣхѣ нашей военной экспедиціи, говорилъ, что жители въ Хивѣ совершенно спокойны, но въ Кунгратъ было нѣкоторое волненіе, когда узнали о приходѣ Русскихъ на Акъ-булакъ; теперь же, прибавилъ онъ, и тамъ все утихло, потому что ханъ послалъ лучшаго своего военачальника и самаго любимаго человѣка, извѣстнаго батыря, (я забылъ его имя) съ сильнымъ стрядомъ Туркменовъ и Хивинцевъ на Акъ-булакъ, строго наказавъ истребить весь гарнизонъ и срыть укрѣпленіе, или засѣсть въ немъ самимъ, ожидая главнаго отряда Русскихъ.»

И ты думаешь, что этотъ наказъ также легко выполнить, какъ отдать? спросилъ я.

«Не легко, но Туркмены храбры и отрядъ ихъ великъ, а вашъ гарнизонъ слабъ и въ немъ много больныхъ. Вотъ

почему я всего меньше совѣтывалъ бы вамъ идти въ Акъ-булакъ.

— Но почему вы знаете о состояніи гарнизона въ Акъ-булакъ, когда никто изъ вашихъ не былъ въ немъ?

Вѣсть — залетная птица въ Киргизской степи ; она кружить по ней во все стороны, переносится изъ аула въ аулъ, въ бѣдную юрту Киргиза, скрывающагося въ камышахъ отъ нищеты, холода и насилія, и облетавъ все кочевое племя, перелетаетъ къ осѣдлымъ сосѣдямъ. Жадные къ новостямъ, Киргизы пируютъ пріѣздъ вѣстника какъ дорогаго гостя и потомъ скачутъ въ другой аулъ, раздѣлить новый миръ и не рѣдко получить отъ хозяина «суэнчу» *). Рыская по степи для баранты, или высматривая въ свою очередь барантовщиковъ, Киргизъ скрывается гдѣ нибудь въ камышахъ, или за горой, прислушивается поминутно

*) Суэнча, — подарокъ за радостную вѣсть.

къ землѣ, выглядываетъ малѣйшія подробности, нерѣдко прокрадывается къ самымъ укрѣпленіямъ, проникаетъ во враждебныя аулы, гдѣ имѣетъ кого-нибудь изъ друзей или родственниковъ, и возвращаясь домой, привозитъ обильный запасъ разсказовъ, которые, переходя чрезъ тысячи устъ, сохраняютъ удивительную неизмѣняемость. Такимъ образомъ мы въ первый разъ услышали отъ Карабашевцевъ, что ханъ Внутренней Орды, Джангиръ, удостоился получить алмазные знаки ордена Св. Анны 1-й степени: извѣстіе это еще не было получено въ Оренбургъ, при отправленіи нашемъ оттуда.

Утuralи подтвердилъ все слышанное уже мною о положеніи дѣлъ въ Хивѣ. Мы разстались далеко за полночь.

ГЛАВА III.

Разсказъ о Достъ-Мухаметъ-ханѣ одного изъ родственниковъ его. Мухамметъ Эвтемишевъ; его таинственность. Онъ предлагаетъ намъ свои услуги. Мятежная жизнь Мухаммета и его раскаяніе. Мы рѣшаемся присоединить его къ горсти своихъ людей. Ожиданіе вожатаго. Нашъ отъездъ; перестрѣлка. Приключеніе.

Ноября 21 дня.

Въ толпѣ, провожавшей хивинскихъ посланцовъ, отличался отъ всѣхъ, и своими благородными движеніями и чертами лица правильными, выразительными, одинъ молодой человекъ, пользовавшійся наружнымъ уваженіемъ Киргизовъ и видимо презиравшій Хивинцевъ. Задумчивый, чуждый этой

*

дикой ватагъ, въ которой находился, казалось, болѣе по необходимости, чѣмъ по произволу или по рожденію, онъ видимо искалъ встрѣчи съ нами.

Разъ, ночью, посѣтилъ онъ насъ.

— Я Авганецъ и близкій родственникъ Достъ-Мухаметъ-хана, сказалъ онъ....

Мы еще не знали объ окончательной участи Кабульскаго хана, возбуждавшаго въ то время общее участіе: извѣсто было, что изгнанный изъ своего отечества, гдѣ властвовалъ такъ долго, гдѣ былъ любимъ народомъ, котораго спокойствіе и миръ упрочилъ правдивымъ судомъ и оружіемъ, онъ рѣшился испытать всѣ средства, чтобы возвратить себѣ престолъ, на который былъ уже посаженъ Англичанами Шахъ-Шуджа, старый, женоподобный, не любимый своимъ народомъ. Достъ-Мухаметъ рѣшился вступить въ новую борьбу съ Европейцами, которые умѣ-

ли приковать къ себѣ судьбу «икбалъ,» по понятіямъ Азіятцевъ.

Мы спросили о Достъ-Мухамметъ. Авганецъ молчалъ: глаза его налились слезами, потомъ кровью, лице блѣдное, юное, на которомъ едва проби-вался первый пухъ, побагровѣло. Долго не могли мы ничего понять изъ его отрывистыхъ восклицаній и прокля-тій; но когда первый гнѣвъ, первый порывъ его отчаянія опалъ, онъ съ терпѣніемъ покорился судьбѣ, составляющей для магометанина и тяже-лый камень, навалившійся на его во-лю и утѣшеніе въ несчастіи, которое для него предопредѣлено свыше и слѣдственно неотвратимо.

Здѣсь расскажемъ мы то, что слы-шали отъ Авганца и что впослед-ствіи узнали о несчастномъ ханѣ. Достъ-Мухамметъ оставилъ родину за-тѣмъ, чтобы вымолить помощь у ха-новъ Средней Азіи, изъ которыхъ съ нѣкоторыми состоялъ въ родственной

связи. Онъ склонялъ ихъ къ дружескому союзу противъ общаго врага, сулилъ успѣхъ, тратилъ свою казну, которую успѣлъ захватить съ собою: все напрасно. Наскучивъ обѣщаніями одного изъ нихъ, онъ кинулся въ Кундузъ. Мурать-бей, нѣкогда славный разбойникъ, тотъ самый, который ознаменовалъ себя гибелью Муркрафта, нынче ослабѣвшій, преданный сладострастію и вину старикъ, говорятъ, даже сдѣлавшійся кроткимъ, вѣроятно отъ нравственнаго безсилія, Мурать-бей, хотя ненавидѣвшій Англичанъ, думалъ о добычѣ болѣе легкой, и въ Кундузѣ Достъ-Мухамметъ былъ не въ безопасности. Разъ, сидѣлъ онъ у Мурать-бея, и былъ печалень по обыкновенію: «Будемъ молиться, сказалъ хозяинъ, Богъ великъ, утѣшитъ и наставитъ насъ!—Не могу, отвѣчалъ Достъ-Мухамметъ, слишкомъ печалень мой духъ.—«Развеселимся, сказалъ Мурать-бей, и предложилъ ему ночную вак-

ханалію. Достъ-Мухамметъ отвергъ ее. «Чѣмъ же мнѣ утѣшить тебя, моего душевнаго, моего перваго друга.» — Дай войска! — «Зачѣмъ оно тебѣ?» — Ты знаешь: выгнать изъ своего отечества нашего общаго врага. — «Стоитъ ли думать объ этихъ невѣрныхъ: плюнь на нихъ.» — Подумай, что и тебя тоже ожидаетъ, что уже постигло меня. — «Какъ, меня, меня.... чтобъ эти кяфиры, чтобъ эти бѣлоглазые Инглезы.... и ханъ чрезвычайно расходился, а когда, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Англійское войско проникло до его владѣній, онъ изготовился не къ оборонѣ, а къ бѣгству.

Достъ-Мухамметъ оставивъ Кундузъ съ горстію своихъ и частию узбековъ, сочувствовавшихъ его несчастію, проникнулъ въ Гиндо-Кушъ; тутъ присоединились къ нему многіе изъ преданныхъ ему Авганцевъ и непріятельскія дѣйствія противъ Англичанъ начались. Сначала онъ имѣлъ нѣкоторый

успѣхъ, но нестройная толпа его, волнующая интригами подкупленныхъ министровъ Достъ-Мухаммета, безъ артиллеріи и дурно вооруженная, не могла долго противстоять англійскимъ отрядамъ; близъ утеса Пурень-дурага, она была разбита совершенно и разметана въ разныя стороны. Достъ-Мухамметъ не хотѣлъ пережить своего несчастія, но вѣрный слуга спасъ его отъ насильственной смерти и увлекъ за собою. Только вдвоемъ пустились они въ путь, и—какъ объяснить это?—направились въ Кабуль, между тѣмъ какъ могли бы опять достигнуть Кундуза или Бухары. Боялся ли низверженный и покрытый стыдомъ ханъ купленного гостепріимства своихъ мнимыхъ друзей или другія причины руководили его, только онъ добровольно явился въ Кабуль и сдался плѣнникомъ Англичанамъ.

Разсказываютъ очень странное обстоятельство, случившееся въ это вре-

ня съ Достъ-Мухамметомъ: на пути, томимый усталостію и жаждою, онъ остановился, чтобы перевести духъ, и поискать гдѣ-нибудь вблизи воды, но ни ключа, ни колодца не нашель онъ, и, изнеможенный, готовъ уже былъ сѣсть на своего добраго коня, какъ вдругъ явился передъ нимъ старикъ, тотъ самый, который за два дня до того предрекъ ему пораженіе при Пуренъ - дурагъ:» Вотъ тебѣ вода, сказалъ онъ, подавая турсукъ; напой коня и утоли жажду свою: тебѣ надобно жить, потому что ты будешь царствовать.» Старикъ исчезъ также внезапно, какъ и явился. (*)

Во время пребыванія нашего въ аулахъ мы встрѣтили Киргиза, чрезвычайно замѣчательнаго въ кругу своего народа. Онъ взошелъ въ джуму

(*) Достъ-Мухамметъ ханъ теперь на пути въ Кабуль. Что его ожидаетъ тамъ, не извѣстно.

всопровожденіи двоихъ товарищей своихъ, и на обыкновенный вопросъ: кто онъ? просилъ не спрашивать объ имени, пока не узнаемъ его лично. Эта таинственность не понравилась намъ, но хитрый Киргизъ умѣлъ искусно вывести разговоръ изъ колеи обыкновенныхъ предметовъ и въ короткое время обнаружить весь свой умъ и краснорѣчіе, этотъ даръ, по преимуществу, азійскаго народа и языка; онъ приводилъ для своихъ доводовъ подлинникомъ тексты корана, толковалъ ихъ не тѣми софизмами и общими мѣстами, которые избиты въ медресе Бухары и Самарканда, но сообразно собственнымъ понятіямъ, выказывавшимъ глубокое изученіе предмета; коснулся нѣкоторыхъ правительственныхъ лицъ въ Оренбургѣ и Петербургѣ; спрашивалъ о перемѣнахъ въ образѣ управленія и хитро умѣлъ привлечь къ себѣ наше любопытство. Разговоръ необходимо долженъ былъ

склониться на наше положеніе, и онъ искусно умѣлъ накинуть на него самую мрачную тѣнь,» но Богъ великъ! прибавилъ онъ. Умоляю васъ только объ одномъ: куда бы вы ни пошли, что бы ни предприняли, не покидайте меня, соедините съ собою въ одно тѣло, слейте въ одну душу со своей; я пойду съ вами впередъ, пойду назадъ, не смотря на то, что тамъ и тамъ меня ожидаетъ одинакая опасность; останусь здѣсь, и вмѣстѣ съ вами подставлю подъ ножъ свою шею; пошлите одного въ «отрядъ» или въ Оренбургъ съ извѣстіемъ о себѣ, и я поѣду, чтобы потомъ ни было со мною.»

Я слишкомъ привыкъ видѣть обманъ и корысть во всѣхъ поступкахъ и словахъ Азіятцевъ, чтобы вѣрить человеку, который скрывалъ отъ меня свое имя.

«Я стыжусь своего имени, возразилъ онъ, но скажу его, хотя бы вы, послѣ, изгнали меня отсюда, какъ со-

баку. — Стоитъ тебѣ присоединиться къ врагамъ нашимъ, и ты можешь силою войти туда, гдѣ за минуту былъ гостемъ, хотя дорого вамъ обойдется это незванное посѣщеніе, возразилъ я, наскучивъ его безпрестанными метафорами и отступленіями.

«Не взводите на меня новаго преступленія: я много пострадалъ за прежнія. Подумайте только, что я скитаюсь въ степи нѣсколько лѣтъ, безъ родины и безъ пріюта, питаюсь чужимъ кускомъ, вдали отъ своей семьи, отъ всего, что мило моему сердцу,—я Мугаметъ Эвtimiшевъ.

Мугаметъ Эвtimiшевъ, родомъ изъ внутренней Букеевской орды, былъ старшимъ Совѣтникомъ при ханѣ Джангирѣ, безотчетнымъ распорядителемъ въ его домѣ и ордѣ и другомъ его сердца.—Не буду вникать въ причины, понудившія его къ измѣнѣ. Вмѣшавшись въ мятежъ, произведенный въ ордѣ племянникомъ Джангира, Ка-

ицъ-Галліемъ, домогавшимся ханскаго достоинства, онъ вскорѣ сдѣлался главою и двигателемъ мятежа, но мятежъ, послѣ нѣкоторыхъ усилій, былъ усмирень Русскимъ отрядомъ; Каипъ-Галли былъ схвачень, а Мугаметъ умѣлъ спастись. Долго спустя, когда Каипъ-Галли бѣжалъ, при его содѣйствіи, изъ темницы Оренбурга и присоединился съ приверженцами своими къ шайкѣ знаменитаго въ то время батыря Исетая, явился и Мугаметъ, душою и путеводителемъ Исетая, котораго имя гремѣло вездѣ, неразлучное съ разбоемъ, грабежемъ и самой отчаянной отвагой. Его поступки на границахъ русскихъ истощили терпѣніе нашего Правительства. Посланъ былъ отрядъ въ степь. Онъ настигъ, или лучше сказать наткнулся печально, не ждано, на шайку Исетая.... дружный залпъ артиллеріи отбросилъ Киргизовъ назадъ. Вскорѣ отрядъ нашъ оправился отъ перваго замѣшательства,

напалъ, разбилъ нестройную толпу и разметалъ остатки ея. Исетай долго прикрывалъ бѣгство своихъ, носясь отъ одной толпы къ другой и метая безпрестанно стрѣлы въ Русскихъ; онъ слишкомъ надѣялся на своего коня, но сытый конь загорѣлся; тогда Мугаметъ схватилъ подъ устцы его коня и повлекъ за собою, между тѣмъ казаки примѣтили и узнали Исетая: пули градомъ посыпались на него, но онъ оставался не вредимъ; тутъ только смекнули наши, что онъ въ панцырѣ, стали мѣтить въ лошадь и вскорѣ подстрѣлили ее. Вмѣстѣ съ нею упалъ Исетай; Эвtimiшевъ употребилъ послѣднее усиліе, чтобы поднять его и посадить на свою лошадь, но было поздно, — налетѣвшіе казаки изрубили Исетая. — Мугаметъ опять успѣлъ спастись.

Въ общихъ выраженіяхъ, я обѣщалъ Эвtimiшеву довести до свѣдѣнія правительства о его раскаяніи и даже хо-

датыствовать за него, но уклонялсѣя отъ его услугъ. «Вы открыли мнѣ двери рая и оттолкнули отъ порога, сказалъ онъ, сомнительно покачавъ головой. Знаю, ваше правительство можетъ меня простить, но только тогда, когда я выкуплю преступленія важною службою Россіи или Русскимъ. Повѣрить ли оно искренности моего раскаянія, если вы сами не вѣрите ей, а если и повѣрить, то возвратить ли мнѣ за эту плату, слишкомъ для него ничтожную, мою родину. На васъ была вся моя надежда! Уже представлялись мнѣ роскошные берега Волги, и мой аулъ, и моя кибитка, уже видѣлись мнѣ мои жены, дѣти: всѣ собрались вокругъ меня.... Мугаметъ говорилъ восторженно, закрывъ глаза и едва переводя дыханіе. Чтобы перемѣнить разговоръ, я обратился къ другому Киргизу и спросилъ его, такъ ли пламенно желаетъ онъ вернуться на свою родину? Онъ молчалъ; я взгля-

нулъ на него пристальнѣе, и при слабѣ мерцающемъ огонькѣ увидѣлъ крупныя слезы на глазахъ его. Боже правды, не ужели это притворство! Неужели это не искреннее, глубокое чувство! Я волновался сомнѣніемъ. Какъ бы угадывая мои мысли, Мугаметъ сказалъ: вы боитесь меня, какъ ножа: я ножъ, только не обоюдо острый, и буду полезенъ въ рукахъ того, кто умѣетъ управлять имъ.

Оставить его на жертву раскаянія, если оно чистосердечно, было бы грѣшно; ввѣриться ему, избрать своимъ вожатымъ, было бы безразсудно. Между тѣмъ надобно было дать рѣшительный отвѣтъ. Я приказалъ ему пріѣхать въ 10-ть часовъ вечера, для того, прибавилъ я, чтобы не замѣтили въ караванѣ нашихъ частыхъ сношеній. «Прикажете пріѣхать одному, или съ товарищами?» Спросилъ онъ съ покорностію. — Одному.

Настала ночь нашего отъезда. — Зги не было видно, такъ темна и буранна была эта ночь: все намъ благопріятствовало, а вожатый не являлся.

Пріѣздъ Мугамета былъ замѣченъ сторожившими насъ Киргизами, но онъ не могъ навлечь на насъ ихъ подозрѣнія, потому что Мугаметъ извѣстенъ былъ своими преступленіями противъ Россіи.

Лошади всегда оставались на ночь у прикола, вокругъ кибитки, а потому и это обстоятельство не могло возбудить подозрѣнія; въ кибиткѣ казаковъ, прикрытой небольшоимъ возвышеніемъ, не раскладывали огня, чтобы свѣтъ его, пробившись въ отверстія кошомъ, не могъ открыть поля нашего дѣйствія: безпокоило насъ нѣсколько то, что Арасланъ, съ батыремъ Исстомъ, ночевалъ въ караванъ, а намъ извѣстна была дружеская связь Мугамета съ послѣднимъ. Это обстоя-

тельство, можетъ быть случайное, наводило на него тѣнь подозрѣнія въ нашемъ умѣ, настроенномъ къ недо-вѣрчивости.

Время текло; нетерпѣніе наше возрастало; минуты длились часами. Напрасно выходили мы безпрестанно изъ кибитки: не слышно было конскаго топота; вожатые не являлись; только слова «карабъ-утырь» *) раздавались протяжно и неумолкну вокругъ каравана, да кое-гдѣ, въ кибиткѣ, клики пирующихъ. Тебѣ некуда ѣхать ночью, сказалъ я, обращаясь къ Мугамету, ночуй съ нами. Тутъ впервые закралось въ него сомнѣніе. Онъ зналъ, что мы послали Мамбета въ отрядъ и, замѣчая наше нетерпѣніе, думалъ, не ждемъ ли мы Русскаго

*) *Сиди и гляди*, или *сидя гляди*; это откликъ караванныхъ часовыхъ, соответствующій нашему «слушай.»

отряда и не хотимъ ли предать его. — Если черная мысль взволновала тебя, сказалъ я, сотвори молитву, возьми къ себѣ эти заряженные пистолеты и ложись между нами. — Эвтимишевъ успокоился.

Было около полуночи; вдругъ передняя кошма зашевелилась, приподнялась, и изъ-за нея показалось таинственно киргизское лицо, озирающееся кругомъ: это былъ Ніазъ, сынъ Утурали, нашъ вожатый! Мигомъ все было готово. Оставалось сказать караванъ-башу и послу о своемъ отъѣздѣ и поручить имъ нѣкоторыя вещи, хотя мы очень сомнѣвались въ томъ, чтобы онѣ были когда либо доставлены намъ; эта мѣра была однако необходима, чтобы показать совершенный произволь нашего отъѣзда. — Посоль Бухарскій совершенно одобрилъ нашу рѣшимость, но только боялся за насъ, и умолялъ меня убѣдить наше

правительство выслать для охраненія его отрядъ, какъ будто это легко было сдѣлать. Не такъ было съ караванъ-башемъ; еслибы къ нему явилась тѣнь его отца, онъ не былъ бы такъ пораженъ, какъ при моемъ появленіи и особенно при извѣстїи, о нашемъ внезапномъ отъѣздѣ! И было отъ чего притти въ ужасъ! Что сдѣлають съ нимъ, а пуще съ его товарами въ хивинской таможенѣ, гдѣ онъ думалъ окупить весь караванъ выдачею насъ! Теперь всѣ его планы разрушались.... Онъ было попытался поколебать меня, но видя, что всѣ усилія въ этомъ случаѣ были напрасны, униженно просилъ забыть о томъ, что было, увѣрялъ въ своей безпредѣльной ко мнѣ покорности, называя себя моимъ рабомъ и проч. На все это, я ему шепнулъ, что если онъ встанетъ съ постели до утра, не только что занкнется кому сказать о нашемъ отъѣздѣ, то.... горе

ему! его стерегутъ въ эту ночь преданные намъ люди.

Возвратясь къ себѣ въ кибитку, я обратился къ Мугамету: Мы ѣдемъ! Если твое раскаяніе, твоя къ намъ преданность искренны, ступай съ нами и раздѣляй нашу участь. «Когда же мы ѣдемъ?» спросилъ онъ.—Сію минуту: лошади остланы и все готово. «Куда?»—Узнаешь послѣ.—«Но у меня плохая лошадь», возразилъ онъ.—Падетъ, дамъ заводную. «А гдѣ возьму я пищу?»—Станемъ кормить тебя.—«Я вашъ душою и тѣломъ», сказалъ онъ, простирая ко мнѣ руку; для васъ я оставляю своего товарища, котораго люблю какъ сына, для котораго я былъ отцомъ. Вы не забудете его, если ваши обстоятельства измѣнятся къ лучшему. — Онъ позвалъ Киргиза Чеку, который оставался при нашихъ вещахъ, и поручилъ ему сказать своему товарищу, что бы онъ ждалъ его, ждалъ лучшихъ

дней въ аулѣ Исета. — Горько плакалъ Чека, разставаясь съ нами : бѣдный, онъ предвидѣлъ свою участь.

На коня ! — Фырканье лошадей и мельканіе тѣней на горизонтъ было замѣчено сторожившими насъ Киргизами : они подняли тревогу ; надобно было торопиться ; шумъ и суматоха увеличились ; сбѣжались зрители и дѣйствователи, но въ совершенной темнотѣ не знали куда обратиться , какъ преградить намъ путь. Мы отправились, и на топотъ коней раздалось нѣсколько выстрѣловъ. Крупной рысью пронеслись мы съ версту и оставивъ позади себя погоню, крикъ и проклятія , остановились , чтобы привести въ порядокъ нашъ отрядецъ, состоявшій изъ 14-ти человекъ : каково же было наше пораженіе, когда, по счету, одного не оказалось. Сначала я думалъ, что не было Мугамета , но онъ откликнулся назовъ ; стали всматривать-

ся въ лице каждаго : не было переводчика ! — Я послалъ Мугамета отыскивать его вокругъ каравана, и вскорѣ Мугаметъ явился съ отрицательнымъ отвѣтомъ. Что было дѣлать ? Кинуть его на жертву ожесточенной толпы, не попытавшись даже исторгнуть изъ нея, было незаконно и невозможно по многимъ отношеніямъ ; ѣхать назадъ.... Еще разъ послалъ я Мугамета, развѣдать въ караванъ объ участи потерявшагося.

Рѣзкій буранъ сѣкъ насъ прямо въ лице. Лошади, испуганныя перестрѣлкой и темнотой ночи, фыркали и рвались; погоня, казалось, попала на нашъ слѣдъ, потому что крики ея стали доходить до насъ. Вдругъ послышался конскій топотъ и, вслѣдъ за тѣмъ, показался всадникъ : это былъ переводчикъ ! Испуганная лошадь унесла его было въ сторону : онъ опустилъ поводья и ввѣрился совершенно инстинк-

ту вѣрнаго животнаго, нѣсколько времени носилъ его добрый конь по степи, пока не слышалъ фырканья лошадей, съ которыми свыкъся, и не вѣримо принесъ его къ намъ.—Слава Богу! — Камень отлегло отъ сердца..... Впередъ! — А Мугаметъ? Некогда было ждать его. Съ тѣхъ поръ я ничего о немъ неслышалъ.

ГЛАВА III.

Предосторожности нашихъ вожатыхъ; они открываютъ барантовщиковъ; еще барантовщики; послѣдніе убѣгаютъ, но первые только скрываются; ихъ хитрости; условные знаки. Барантовщики нападаютъ на насъ, но безъ успѣха. Причины и слѣдствія рѣдкаго убійства во время баранты. Бѣдственная ночь. Сайгачники. Чушка-кульскій лагерь.

25-го Ноября. — Чушка-кульское (Амбулакское) укрѣпленіе.

Степь представляла точное подобіе безграницаго, взволнованнаго моря: мы ринулись въ него на борьбу съ буранами, которые могли смести и самый слѣдъ существованія нашего, на встрѣчу съ барантовщиками, этими корсарами пустыни, которые рыщутъ особенно здѣсь, на песчаномъ простран-

ствѣ, отдѣляющемъ Большіе-барсуки отъ нашихъ укрѣпленій; угрожаемые хивинскими отрядами, преслѣдуемые погоней Карабашевцевъ, мы были на сторожѣ денно и ночью.

Съ разсвѣтомъ погода прояснилась; оба наши Киргиза кружили по возвышеніямъ и зорко выглядывали даль. Вскорѣ, старшій изъ нихъ, Куль-Макбетъ, осадилъ коня и пристально, неподвижно, уставилъ въ одну точку свои, изощренные навывкомъ, глаза; къ нему подъѣхалъ Нязъ, а вслѣдъ и мы.» — Барантовщики!» — сказалъ Куль-Макбетъ, указывая на горизонтъ.

— Не Карабашевцы ли?

«Нѣтъ, «чернь»*) не въ той сторонѣ.

Мы устремили вдаль свои взоры, но не могли ничего отличить; только

*) Прилежащіе къ степи жители объясняютъ этимъ совомъ едва приметный, чернющійся вдали предметъ.

самые зоркіе изъ насъ примѣтили какую-то рябь на горизонтѣ.

«Вотъ одинъ изъ нихъ ѣдетъ поет-далъ, продолжалъ Киргизъ, прищуривъ глаза, которые онъ не сводилъ съ предмета своихъ наблюдений; вотъ воротился во всю прыть назадъ, къ своимъ: они открыли насъ.» —

— Куда они направляются? спросилъ я.

«Сначала ѣхали по тому же направлению, какъ и мы, а вотъ, теперь, своротили: или боятся или заманиваютъ насъ.»

— А сколько ихъ?

«Очень много, отвѣчалъ одинъ.

«Нѣтъ, возразилъ другой, ихъ не такъ много; они гонятъ табунъ лошадей.» И между нашими Киргизами завязался споръ.

«Видишь ли, какъ тихо идутъ они: ясно, что возвращаются съ баранты;

кони устали, а отбитые табуны ихъ задерживаютъ.

«Нѣтъ, они ѣдутъ на баранту и сберегають своихъ лошадей».

«Зачѣмъ они то и дѣло мѣняютъ путь, — видишь, какіе узлы плетутъ по дорогѣ!»

— Нечего терять дорогое время, сказалъ я; ѣдемъ!

Всадники на горизонтѣ скрылись. Мы продолжали путь свой частой рысью, между тѣмъ какъ наши два Киргиза дозорили по сторонамъ. Около полудня, оба они остановились вдругъ, уставили глаза свои по двумъ различнымъ направленіямъ и потомъ съѣхались для совѣщаній.—Какія новости? спросилъ я, видя что Киргизы съ жаромъ разговариваютъ, указывая то въ одну сторону то въ другую.

«Вотъ, не вдалекѣ, утрешніе барантовщики, а тамъ, на право, съ десятокъ другихъ скачутъ во всю прыть

въ противную сторону: они приняли насъ за товарищей тѣхъ, и пошли, безъ оглядки, на-утекъ.

«Постой, сказалъ Кулъ-Макбетъ, утешеніе то бойки; они вѣрно открыли тѣхъ, что теперь такъ шибко бѣгутъ тогда же, какъ и насъ, да сочли ихъ за одно съ нами, а теперь, видишь, догадались и стали смѣлѣе, хотъ убавились числомъ.

— Куда же они дѣлись? спросилъ я.

«Узнаешь послѣ; видишь, сколько тучекъ надъ землей: подъ любой укроются, сказалъ онъ, и потѣхалъ впередъ.

Я не понялъ отвѣта, но некогда было требовать объясненій. Черезъ нѣсколько времени, Ніазъ, тѣхавшій подлѣ меня, взялъ мою руку и на пути указалъ ея въ сторону: на горизонтѣ, подернутомъ темнымъ облакомъ, вдругъ брызнуло нѣсколько искоръ. Наши Киргизы быстро своротили всторону.

Куда? спросилъ я.—«Тамъ колодезь, сказалъ одинъ изъ нихъ, пора напоить лошадей.»

—А что значать эти искры?

«Условный знакъ.»

Теперь я понималъ прежній отвѣтъ Куль-Макбета. На безбрежной равнинѣ, гдѣ нѣтъ ни холма, ни впадины, ни куста, чтобы укрыться отъ взоровъ и преслѣдованія врага, Киргизъ, выдаваемый за-живо своею неблагодарною землею, ищетъ защиты въ другихъ стихіяхъ: на темномъ, не определенномъ пространствѣ нависшей тучи, принимая возможные движенія и уловки, онъ остается не примѣченнымъ другими, или обманывается ихъ своими не естественными положеніями. Въ этомъ случайномъ и не вѣрномъ убѣжищѣ, онъ часто разговариваетъ со своими товарищами, разстѣянными въ разныхъ мѣстахъ и въ подобномъ же положеніи, посредствомъ условныхъ знаковъ, въ числѣ которыхъ

самые употребительныя тѣ, которые мы сей часъ видѣли. Нужно однако всю опытность Киргиза и этотъ инстинктъ самоохраненія, которымъ онъ одаренъ въ высшей степени, чтобы усмотрѣть, уловить малѣйшія уловки или условныя знаки людей, себѣ подобныхъ, легчайшее движеніе природы, угрожающей его свободѣ или жизни; отъ этой-то непрерывной борьбы съ вѣншимъ міромъ происходитъ та скрытность и подозрительность, изъ которыхъ исключительно составленъ характеръ Киргиза.

Мы уклонялись болѣе и болѣе отъ своего направленія и вскорѣ дѣйствительно достигли колодцевъ, вырытыхъ въ изсякшемъ рѣчномъ руслѣ; эти ложбины не рѣдко встрѣчаются въ степи и служатъ мѣстомъ пріюта и для мирнаго путника и для барантовщиковъ. Напоивъ лошадей, и описавъ нѣсколько круговъ въ степи, мы наконецъ направили коней на свой насто-

ящій путь. По всему видно было, что наши Киргизы хотѣли обмануть бдительность своихъ антогонистовъ; но мы имѣли дѣло съ опытными корсарами этого сухого моря. Солнце уже склонялось къ западу, какъ вдругъ, вовсе неожиданно, и не далѣе какъ на два ружейныхъ выстрѣла, вспрыгнулъ всадникъ, словно выросшій изъ земли: онъ и бѣлый конь его, лежавшіе на землѣ, и такъ сказать слитые въ одинъ цвѣтъ со снѣгомъ, до того времени не были примѣчены нами. Всадникъ кинулся стрѣлой въ сторону, и наши испуганные Киргизы начали шептаться между собою; не знаю, думали-ль они о бѣгствѣ, но мы болѣе всего страшились того, чтобы не остаться безъ путеводаителя въ безконечной пустынѣ? Какъ бы то ни было, а вскорѣ одинъ изъ нихъ обратился ко мнѣ и сказалъ, что это былъ сторожевой тѣхъ барантовщиковъ, которыхъ мы уже видѣли два раза, и что прочіе Кирги-

зы скрываются гдѣ - нибудь очень близко и конечно не замедлят напасть на насъ. Мы остановились и, поставивъ лошадей въ кружокъ, поручили ихъ троемъ слабѣйшимъ изъ среды насъ; съ остальными стали въ оборонительномъ положеніи. Еще не успѣли мы изготovitься, какъ изъ-за не большого возвышенія показались три отдѣльныя толпы людей; въ нихъ было всего за 30 человекъ; легкою и ровною рысью приближались они къ намъ, и вдругъ, разсыпавшись, какъ брызги отъ брошеннаго въ воду камня, съ гикомъ кинулись впередъ, но съ той же быстротой отпрянули, увидѣвъ уставленные противъ нихъ ружья. Они вихремъ кружились около насъ, осыпая бранью, и требовали нашихъ лошадей, обѣщая этою цѣною дать намъ пощаду. Наши Киргизы, успокоенные нѣсколько ихъ первымъ неудачнымъ натискомъ и нашей рѣшимостью, отвѣ-

чали имъ также бранью и клялись не только отнять у нихъ лошадей, но захватить ихъ самихъ, отцовъ ихъ и даже дѣдовъ, живьемъ. Они увѣряли, что мы только передовые сильнаго отряда, который нѣсколько поотсталъ и вѣроятно поспѣшитъ на выстрѣлы. Конечно, на ту пору, наши вожатые забыли, что мы еще съ утра были открыты и сосчитаны нападавшими на насъ. И дѣйствительно, угрозы ихъ мало подѣйствовали; барантовщики вновь кинулись на насъ, размахивая своими длинными пиками, которыя почти у всѣхъ составляли единственное вооруженіе, и вновь разсыпались. Вскорѣ они потребовали переговоровъ; мы было не хотѣли ихъ слушать, но Ніазъ и Кулъ-Макбетъ утверждали очень убѣдительно, что это было бы противно правиламъ честной баранты и чрезвычайно невѣжливо съ нашей стороны; вслѣдствіе сего вступили въ мирныя объясненія. Двое изъ баран-

товщиковъ, оставивъ свои оружія, подошли къ намъ съ изъявленіемъ самой глубокой дружбы, объясняя свое нападеніе тѣмъ, что приняли было насъ за Киргизовъ — барантовщиковъ, и утверждали, что чувствуютъ ко всѣмъ Русскимъ неизъяснимую любовь, а между тѣмъ измѣряли взоромъ наши способы къ оборонѣ; эти парламентары продолжали, что они изъ роду Назаръ, преданнаго Россіи и враждебнаго Карабашевцамъ, которые отбили у нихъ лошадей: въ заключеніе, вызывалпсь, въ числѣ нѣсколькихъ чловѣкъ, проводить насъ до укрѣпленія: обманъ былъ слишкомъ пошлъ, чтобы вѣдаться въ него, и мы, отклонивъ всѣ ихъ предложенія, сѣли на коней и отправились въ путь.

«Джигитъ, джигитъ» сказалъ Ніазъ, потрепавъ нѣкоторыхъ изъ насъ по плечу.

— Если бы теперь съ вами было столько вашихъ, сколько было Рус-

скихъ, чтобы вы сдѣлали съ этими барантовщиками?

«Кто надѣялся бы на своего коня, тотъ бы бѣжалъ, а кто нѣтъ, тотъ отдалъ бы барантовщикамъ и коня, и все, что только имѣетъ, до рубахи: добрые люди всегда оставляютъ рубаху, если не защищаешься противъ нихъ.

— Лучше же умереть въ бою, а можетъ быть еще выйти изъ него съ честью и добычей, чѣмъ умереть отъ голода и холода, оставшись безъ пищи и одежды, замѣтилъ я.

«Въ бою противъ сильнаго страшно, и смерть ближе; а тутъ, можетъ еще и добредешь до ближайшаго аула или добрые люди на тебя набредутъ.»

Этимъ объясняется, отъ чего убійства бываютъ не такъ часты между Киргизами, какъ бы можно было ожидать отъ безпрестанной баранты. Зато, какъ дорого обходится это мнимо-человѣколюбіе тѣмъ, кто имѣетъ несча-

стіе испытать его. Сколько разъ встрѣчали мы полунагихъ, отощавшихъ, избитыхъ и изнуренныхъ Киргизовъ, скрывавшихся отъ холода въ сугробахъ снѣга, отъ непріятеля въ камышахъ, и питавшихся лоскутомъ найденной ими шкуры или съ трудомъ добываемыми кореньями. Какъ теперь гляжу я на Киргиза, котораго мы нашли въ камышахъ, помнится, близъ Мугоджарскихъ горъ: нагой, онъ лежалъ свернувшись клубкомъ и закрывши голову свою обѣими руками; полузанесенный снѣгомъ, бѣдный Киргизъ такъ мало походилъ на человѣка, что вглядываясь въ него очень долго, я ни какъ не могъ распознать, что это было за существо! Наконецъ, откинувъ его зачехленныя руки, мы увидѣли голову, до того покрытую инеемъ, что на ней не было примѣтно лица; только двѣ звѣздочки глазъ его блестѣли ярко и однѣ свидѣтельствовали о человѣческой природѣ. Киргизъ

въ правой рукѣ держалъ огниво, въ лѣвой труть, послѣднюю надежду, которая могла исчезнуть только съ жизнью; мы приподняли его недвижимаго; опытные Киргизы, бывшіе съ нами, сказали, что въ глазахъ еще приметна искра жизни, и мы взяли его въ кибитку, не смотря на всѣ просьбы Киргизовъ покинуть его: во первыхъ, говорили они, потому что однимъ Киргизомъ болѣе или менѣе—совершенно все равно для нихъ и для насъ, а этотъ же такъ близокъ былъ къ смерти; во вторыхъ, онъ принадлежалъ къ враждебному имъ роду. Мы, однако, возвратили страдальца къ жизни, которой, впрочемъ, онъ не очень обрадовался. За чѣмъ мнѣ её, говорилъ онъ: итти съ караваномъ нельзя, — убьютъ Чиклинцы; итти въ аулы далеко: опять наткнешься на баранту, опять придется по каплѣ выстрадать жизнь, опять начинать ту же чашу, которую я допивалъ. На

вопросъ мой: долголь онъ былъ въ томъ положеніи, въ которомъ мы его застали, бѣдный Киргизъ отвѣчалъ, что онъ сосчиталъ шесть дней, на седьмой стужа увеличилась, окостенѣвшія руки не могли воспользоваться огнемъ, единственнымъ благомъ, которое барантовщики большею частію оставляютъ жертвамъ своего грабежа; онъ уснулъ, и долго ль спалъ — непомнить.

У Киргизовъ есть пословица: «Убѣгающій и преслѣдующій равно молятъ Бога; но Богъ помогаетъ тому, кто убѣгаетъ,» а потому бѣгство даже съ самаго поля битвы не считается большимъ преступленіемъ: только бы умѣлъ уйти.

Ночь наступала; снѣгъ сыпался частыми и крупными хлопьями, а мы все продолжали путь свой; нигдѣ ни пригорка, ни равнины, чтобы укрыть-

*

ся на время ночлега. Наши вожатые часто и сомнительно поглядывали на небо. Наконецъ все стемнѣло. «Надо итти», сказалъ Ніазъ, видя наше нетерпѣніе. До Мелюсы не далеко, если угадаемъ выйити прямо на нее.» А тамъ что? Старое русло рѣки. Можно укрыться отъ бурана.»—А развѣ будетъ въ эту ночь буранъ? спросили мы въ нѣсколько голосовъ. — «Какъ знать, что угодно Богу.»

Дѣйствительно, вѣтеръ крѣпчалъ, становился порывистѣй, небо дѣлалось темнѣй и грознѣй..... Поднялся буранъ; не было возможности итти далѣе, и мы принуждены были остановиться на открытой отовсюду равнинѣ. Какая ночь! Джюломы *) съ нами не было; пытались было развести огонь, но мигомъ разметывало весь кукъ — пекъ собранный съ такими усиліями: съ трудомъ можно было держаться

*) Джюлома, походная киргизская кибитка.

на ногахъ, а между тѣмъ то и дѣло надобно было собирать лошадей, которыхъ разгоняло далеко вѣтромъ. Бѣдныя, онѣ дрожали всѣмъ тѣломъ и сами жались въ кучку, но не могли противустоять всесокрушающей силѣ бурана. О снѣ нечего было и думать: прижавшись другъ къ другу какъ можно тѣснѣе, мы лежали недвижимы, подъ сугробами снѣга, которыми то и дѣло, заносило насъ.—Ревъ и вой доходилъ до насъ глухо, и тѣмъ грустнѣе отдавался въ сердцѣ.

Если этотъ буранъ продлится сутки, другія? были единственные мысли, занимавшія конечно всѣхъ насъ. Скоро ли разсвѣтъ? спрашивали мы безпрестанно, какъ будто съ утренней зарей должны были кончиться и наши бѣдствія; но и разсвѣтъ не приходилъ; ночь казалась вѣчностью.

«Свѣтаетъ, воскликнулъ наконецъ сторожевой казакъ, стрывая насъ. — Что буранъ?» Маленько потише,»

Первый взглядъ на небо — и яркая, багровая полоса вдоль горизонта возвѣстила намъ, что сильный морозъ смѣнялъ бурянь. Мы отправились.

Версть за пять отъ ночлега, мы перѣехали Мелосу, которую съ такимъ нетерпѣніемъ отыскивали наканунѣ, верстахъ въ 10-ти отъ нея Аксай, далѣе Джаинды. Эти сухія рытвины, которыя, вмѣстѣ со многими другими, носятъ на нашихъ подробныхъ картахъ названія рѣкъ, хотя онѣ наполняются водою только во время весны, и то не всякой гдѣ. Характеръ ихъ вездѣ одинаковъ: песчаное дно, на которомъ встрѣчается много окаменѣлостей, особенно изъ рода *Candium*, и глинистые, изрытые бока; въ руслахъ попадаются кое-гдѣ колодцы, отрада путника во время знойнаго лѣта; вездѣ природа, лишенная жизни.

За Чаганомъ, на Юго-западъ, начинаются возвышенности, которыя, воз-

ставая, гряда надъ грядою, все выше и выше, пересѣкаются крутыми обрывами и ущельями: ихъ особенное строеніе и ребристый песчаникъ, усѣянный окаменѣlostями, убѣдили насъ, что мы достигли предгорій Усть-урта. Поднявшись на горный хребетъ, мы увидѣли равнину, лишенную всякаго произрастѣнія, кромѣ тощаго кустарника и одного рода полыни, которую впрочемъ охотно ѣдятъ верблюды, равнину, покрытую мѣстами солонцами и щебнемъ, состоящую изъ вязкой глины и лишенную болѣею частию воды, — это Усть-уртъ; на этой то пустынной равнинѣ встрѣтили мы признаки человѣческой жизни: двѣ три кибитки, низкія, закопѣлыя, ветхія, стлалась въ уровень съ землею, подъ защитой тощихъ кустарниковъ; ужасный запахъ распространялся окрестъ ихъ, возлѣ не было ни верблюда, ни даже овцы, — обыкновеннаго достоянія Киргиза; надъ кибитками не

вился отраднѣйшій дымокъ; только протяжный вой сабакъ нарушалъ безмолвіе и возвѣщалъ о жизни тамъ, гдѣ смерть пріосѣнила крыломъ своимъ всю природу: здѣсь живутъ сайгачники, сказалъ мнѣ вожатый.

Сайгачники самый несчастный народъ въ степи; они бѣднѣе и жалче тамошнихъ рыбопромышленниковъ. Тѣ и другіе бываютъ доведены до своего состоянія только совершенной нищетой; пока у Киргиза остается одна овца, онъ кочуетъ съ нею, онъ счастливъ; но рыбопромышленники и сайгачники прикованы къ своему мѣсту; для нихъ нѣтъ кочевки, нѣтъ болѣе радостей въ мірѣ. Первые живутъ близъ рѣкъ или моря, иногда посѣщаются людьми, но сайгачники ведутъ всю жизнь свою въ мѣстахъ дикихъ и уединенныхъ, которыя обыкновенно служатъ путями для сайгаковъ, во время общаго ихъ перехода;

здѣсь-то, осенью, Киргизы-промысловики разставляютъ для нихъ повсюду западни, и во время одной недѣли запасаются на цѣлый годъ мясомъ для пищи и шкурами для своей одежды.

Мы зашли съ Ніазомъ въ одну изъ кибитокъ. Въ ней было пусто и холодно. Единственный жилецъ ея, старикъ, лежавшій на невыдѣланныхъ шкурахъ и ими же закутанный, приподнялъ голову и обнажилъ часть своего тѣла, покрытаго струпомъ и язвами: увидѣвъ насъ, онъ опять закутался и уснулъ. Совершенная апатія въ его взорахъ и поступкахъ показывали ясно, что для него жизнь и смерть — слова ничего не выражающія, ничего не обѣщающія, и что въ нынѣшнемъ своемъ положеніи онъ столько же принадлежалъ первой, какъ и послѣдней. Грустное, стѣсняющее сердце зрѣлище: я поспѣшилъ его оставить.

Лошади уставали подъ нами; едва можно было дробиться отъ нихъ круп-

наго шагу, вмѣсто частой рыси, которою мы ѣхали до сихъ поръ; почасту тотъ или другой изъ насъ покачивался, вздремнувъ на лошади. Вдругъ Нязъ остановился и неподвижно устремилъ взоры на другаго своего товарища, описывавшаго круги вдали отъ насъ, на одномъ изъ возвышеній: этихъ круговъ было условленное число, и нашъ вожатый радостно закричалъ: «Суюнча, Суюнча!» — Мы доѣхали такъ скоро, какъ только могли, до возвышенія, гдѣ стоялъ Куль-Макбетъ, и устремили взоры по направленію его руки: вдали, вдали на горизонтѣ, синѣлась волнистая полоса, словно иззубренное лезвіе заслуженнаго клинка: то былъ Чушкакульскій лагерь. Русскіе!

ГЛАВА IV.

Пребываніе въ Акъ-булакскомъ лагерѣ. Общество гарнизонныхъ офицеровъ. Довольство среди всеобщихъ лишеній. Увѣренность въ томъ, что Хивинцы не достигнуть до Акъ-булакскаго укрѣпленія и не рѣшатся напасть на него.

10 Декабря. Чушкакульскій (Акъ-булакскій) укрѣпленный лагерь.

Скучно и длинно тянулось время. Акъ-булакское укрѣпленіе, построенное съ лѣта, служило, вмѣстѣ съ Эмбинскимъ укрѣпленіемъ, складочнымъ мѣстомъ для провіанта и припасовъ, заготовленныхъ для военнаго отряда, шедшаго въ Хиву. Акъ-булакъ былъ расположенъ у предгорья Усть-урта и

находился далѣе, чѣмъ на полъ-пути отъ Оренбурга до Хивы. Первоначальный гарнизонъ его простирался до 500 человекъ съ казаками и артиллеристами, но въ послѣдствіи онъ уменьшился отъ больныхъ и умершихъ. Между тѣмъ частые и самые ужасные бураны довершали разрушеніе въ укрѣпленіи: рвы и стѣны, которыми былъ обнесенъ лагерь, сравнялись; употребляли безпрестанныя усилія, чтобы очистить хотя барбетты, а работа ни сколько не подвигалась впередъ: что дѣлалось днемъ, уничтожалось ночью.

Въ эгомъ то укрѣпленіи бивакировали мы. Наши биваки имѣли ту особенность, что были расположены на глубокомъ снѣгу, въ походныхъ киргизскихъ джуломахъ, которыя то и дѣло срывало вѣтромъ. Сколько разъ, среди ночи, были мы внезапно пробуждаемы проникавшимъ до костей холодомъ и, раскрывая глаза, видѣли надъ собою, вмѣсто кошомнаго круга

своей кибитки, небо съ его неизмѣннымъ бураномъ, а вокругъ себя заметы снѣгу; бывало боишься покинуть холодное ложе, чтобы не предать всего себя на жертву бурана, и остаешься подъ открытымъ небомъ, полузанесенный снѣгомъ, пока не раскинуть опять джулону, (а это сдѣлать не легко во время бурана) и только тогда какъ вспыхнетъ ярко сухой камышь, единственное горячее вещество, которое мы имѣли, тогда выползаешь изъ подъ тяжелыхъ, мокрыхъ шубъ къ отрадному огоньку; сколько разъ, пригрѣтые имъ, мы тутъ же предавались сладкому сну, и за утра находили полусгорѣвшею скудную одежду, которая еще у насъ оставалась; не рѣдко огонь проникалъ до тѣла и въ соединеніи съ холодомъ, обдававшимъ съ другой стороны, наводилъ на спящаго невыносимо тяжкія ощущенія, словно давленіе кошмара, отъ котораго трудно было освободиться.

Есть минуты радостей среди постоянных лишений. Во время переѣзда нашего отъ каравана до Акъ-булака, мы дѣлали по 140 верстъ въ сутки, конечно верхомъ; чрезвычайная усталость до того заглушала голодь, что двухъ-дневнаго запаса сухарей, который взяли для себя казаки (мы не брали съ собою ни какихъ припасовъ), намъ была очень достаточно во время всего переѣзда, но жажда мучила насъ безпрестанно. «Только чай могъ бы утолить эту томительную жажду», воскликнулъ кто то изъ насъ съ тою тоскою, съ какою говорятъ о предметѣ миломъ сердцу, но на всегда потерянномъ. «У меня есть сахаръ, отвѣчалъ одинъ изъ казаковъ. — Есть сахаръ! — Это уже казалось богатствомъ для насъ, хотя мы еще не знали, какое употребленіе изъ него сдѣлать. — А чаю можно достать, сказалъ переводчикъ. — Можно достать! гдѣ? — И мы съ недовѣріемъ глядѣли ему въ глаза.

У меня въ куржумахъ (переметныя сумы) всегда хранился прежде чай; теперь его нѣтъ. . . . но не такъ же плотно онъ былъ завернутъ, чтобъ не просыпался когда-нибудь, и если хорошенько поискать, то вѣрно можно собрать нѣсколько крохъ. Приступили къ дѣлу, и между бѣльемъ, сапогами и прочимъ хламомъ, дѣйствительно нашли не много чаю съ примѣсью разной разности; оставалось одно затрудненіе: въ чемъ изготовить его?—Но наши казаки и тутъ умудрились: нашелся заржавленный желѣзный ковшъ, вещь необходимая для того, чтобы поить лошадей въ степи, гдѣ колодцы большею частію и почти исключительно замѣняютъ проточную воду; въ этомъ ковшѣ вскипятили воду, заварили чай и изъ этого же ковша пили его, и конечно никогда въ жизни не пили мы его съ такимъ наслажденіемъ, какъ въ ту пору.

Общество наше въ лагерьъ состояло изъ двухъ или трехъ офицеровъ линѣйнаго Оренбургскаго баталіона N 2-го, которымъ мы обязаны радушнымъ пріемомъ, и двухъ изорванныхъ книгъ «Библіотеки для чтенія», случайно завезенныхъ сюда къ намъ то изъ нихъ. Ничѣмъ ненарушаемое единообразіе навело на гарнизонныхъ офицеровъ, — конечно не безпечность, но совершенную увѣренность въ томъ, что Хивинцы, упустившіе благоприятное время къ нападенію на наши малочисленные отряды лѣтомъ, когда основывалось укрѣпленіе, никакъ не рѣшатся напасть среди зимы на укрѣпленіе, уже устроенное, хотя правда и разрушенное, какъ мы замѣтили буранами, однако снабженное всѣмъ нужнымъ для выдержанія атаки или осады, чтобы они наконецъ могли пройти Усть-уртъ и все пространство 600 верстъ, отдѣлявшее ихъ отъ Акъ-булака, по глубокимъ снѣгамъ, въ бураны, для чего

необходимы были запасы для нихъ, и особенно для ихъ аргамаковъ, вообще изнѣженныхъ и слабыхъ въ дальнихъ переходахъ: все это требовало нѣкотораго порядка и подчиненности, столь чуждыхъ ордамъ Туркменовъ и природныхъ Хивинцевъ.

Дѣло 18-го и 19-го Ноября, при Акбулакѣ.

Рано утромъ часовые съ редута увидѣли движущуюся, сѣроватую массу на горизонтѣ, со стороны Донгусъ-тау; ударили тревогу. Между тѣмъ начались разныя догадки: говорили, что это Русскій отрядъ, котораго въ то время ждали, что онъ вѣроятно сбился съ пути во время бурановъ и потому является съ противоположной стороны; иные увѣряли, что это марево, миражъ, и дѣйствительно призракъ, принятый за отрядъ, вскорѣ скрылся; люди

были распущены изъ-подъ ружья и пикеты отправлены на свои мѣста. Вскорѣ однако опять ударили тревогу въ редутъ, отстоявшемъ саженой на сто отъ укрѣпленія, и на этотъ разъ предметъ былъ такъ ясенъ, что не требовалъ никакихъ догадокъ и поясненій, толпы всадниковъ, то разсыпаясь въ разныя стороны, то вновь смыкаясь въ колоны и кучки, обгинали еще вдали укрѣпленіе. Этотъ образъ приближенія показывалъ уже несомнѣнно, что то былъ не Русскій отрядъ. Непріятельскія толпы мигомъ взлетѣли на всѣ окружающія возвышенности, въ предположеніи захватить наши пикеты; но къ счастью, снятые во время первой тревоги, они не успѣли занять своихъ мѣстъ, а потому Хивинцы должны были довольствоваться тѣмъ, что выставили свои маяки на возвышеніяхъ; обскакавъ потомъ укрѣпленіе нѣсколько разъ, какъ бы выглядывая его силы и средства къ обо-

ронъ, они съ гикомъ кинулись на приступъ: «Алла, Алла! Аламанъ-гау, Аламанъ-гау! (во имя Бога, грудью, дружный) раздавалось отъсюду! — Но встрѣченные залпомъ съ двухъ шести-фунтовыхъ единороговъ, находившихся въ укрѣпленіи, и батальнымъ огнемъ гарнизона, отпрянули такъ же быстро, какъ и наскочили; впрочемъ они удалились только изъ-подъ ружейныхъ выстрѣловъ и на этомъ разстояніи обложили укрѣпленіе, между тѣмъ какъ батыри, носясь на аргамакахъ вдоль лѣваго фаса укрѣпленія, какъ болѣе открытаго, вели перестрѣлку съ нашими застрѣльщиками и охотниками. Стоя на барбетъ съ подзорной трубкою, мы любовались беспорядочной пестротой непріятельскаго отряда; разнообразная одежда обличала составъ его: всего болѣе находилось въ дѣлѣ Туркменовъ, менѣе было Каракалпаковъ, и еще менѣе природныхъ Хивинцевъ и Киргизовъ, какъ то доказали впо-

слѣдствіи и собранныя свѣдѣнія. Число всѣхъ простиралось до 2,000; при нихъ было пять знаменъ и два или три отдѣльные значка. Нашъ гарнизонъ едва могъ выставить 250 человекъ подъ ружье, включая въ то число и деньщиковъ.

Втеченіи цѣлаго дня непріатель держалъ въ осадѣ нашъ лагерь, дѣлая частыя попытки къ приступу, но всякій разъ не дружно и совершенно безуспѣшно. Нельзя не признать личной храбрости многихъ изъ Туркменовъ; они мужественно кидались впередъ на батальный огонь, но недостатокъ единодушія и подчиненности уничтожали всѣ ихъ усилія: напрасно возбуждали они другихъ кликами и гикомъ къ общему приступу; большая часть оставалась въ почтительномъ отдаленіи отъ укрѣпленія, или разлеталась при первыхъ выстрѣлахъ; особенно дѣйствіе орудій ужасало ихъ:

оно примѣтно наводило на нихъ паническій страхъ.

Видно было также, что Туркмены, или старшины ихъ, силою частаго упражненія въ своихъ наѣздахъ, пріобрѣли, такъ сказать, инстинктъ военнаго ремесла: они умѣли открыть слабую сторону укрѣпленія, совершенно занесенную снѣгомъ и наиболее тѣснили его оттуда; пользовались пригоркомъ или могилой (мулой), гдѣ на-скоро устранивали шанцы и вели изъ-за нихъ перестрѣлку съ укрѣпленіемъ,—и между тѣмъ, какъ одни стрѣляли, другіе заряжали и передавали имъ ружья; этимъ замѣняли они недостатокъ хорошихъ стрѣлковъ и особенно ружей, которыхъ едвали было до 200 во всемъ отрядѣ.

Къ вечеру непріятель отступилъ и расположился въ шести верстахъ отъ нашего укрѣпленія на дорогѣ въ Эмбинское. Это было первое дѣло съ Хивинцами!

Ночью Хивинскіе разъѣзды приближались почти къ самому укрѣпленію и завязывали перестрѣлку съ нашими часовыми. Нельзя не упомянуть о молодецкомъ поступкѣ двухъ казаковъ; они вызвались доставить донесеніе Командира Акъ-булакскаго укрѣпленія Г. Генераль-Адъютанту Перовскому на Эмбу, и въ ночь, съ 18-го на 19-е число, три раза пускались въ путь по разнымъ направленіямъ, стараясь избѣгнуть непріятельскихъ разъѣздовъ или пикетовъ, но всякій разъ были открываемы и преслѣдуемы ими до самаго укрѣпленія; разъ наткнулись они на самый станъ непріятеля; остановились, припали къ землѣ, и до тѣхъ поръ оставались въ этомъ наблюдательномъ положеніи, пока не были открыты; весь лагерь всполохнулся, и казаки на плечахъ своихъ принесли нѣсколько туркменскихъ всадниковъ къ укрѣпленію:—эти казаки были Мойсеевъ и Воротниковъ.

Непріятель, расположенный, какъ мы замѣтили, верстахъ въ шести отъ нашего лагеря, оставался въ этомъ разстояніи, измѣняя только позицію, до 5-и часовъ вечера другого дня. Тутъ двинулся онъ опять къ нашему укрѣпленію, но вдругъ пріостановился, и соединившись въ нѣкоторомъ порядкѣ въ выстрѣловъ, пробылъ здѣсь около часу, въ безпрестанномъ движеніи и въ какомъ-то ожиданіи. Мы видѣли ясно какъ, потѣмъ, три всадника прискакали со стороны Эмбы, и вслѣдъ за тѣмъ весь непріятельскій отрядъ понесся по дорогѣ къ Эмбинскому укрѣпленію: легко было догадаться, что онъ узналъ о чемъ-то для него важномъ и предпринялъ что нибудь рѣшительное.

Дьло 19 и 20 Ноября, въ 15-ти верстахъ отъ Акъ-булакского укрѣпленія.

20-го Ноября прибылъ въ укрѣпленіе, подъ командою Поручика Ерофѣева, отрядъ, состоявшій изъ одной роты 1-го Оренбургскаго линейнаго баталіона и 125 Оренбургскихъ казаковъ, и пояснилъ предшествовавшія движенія Хивинцевъ.

Оставивъ нашъ лагерь въ 6-мъ часу вечера, 19-го числа, они настигли ввѣреннѣй Ерофѣеву отрядъ, около 7-и часовъ вечера того же дня, въ 15-и верстахъ отъ Акъ-булакского укрѣпленія, и въ то время, когда онъ располагался на ночлегъ и еще не успѣлъ развьючить всѣхъ верблюдовъ, ударили на него. Нападеніе было совершенно нечаянное; толпы смѣшались; между нѣкоторыми изъ нашихъ солдатъ и Туркменами бой доходилъ до рукопашнаго.

Поручикъ Ерофѣевъ спѣшилъ устроить каре изъ выюковъ и телегъ, и между тѣмъ какъ нестройныя толпы непріятеля кидались на добычу, на выюки и верблюдовъ, онъ успѣлъ окончить свое укрѣпленіе, и подъ его защитой протналъ Хивинцевъ, которые однако успѣли захватить часть нашихъ верблюдовъ и лошадей. Лагерь г. Ерофѣева находился въ ложинѣ, представлявшей затишье отъ бурановъ и хотя скудный подножный кормъ. Хивинцы заняли возвышенности съ которыхъ беспокоили его выстрѣлами втеченіи цѣлой ночи.

Жадность Туркменовъ къ добычѣ была такъ велика, что нѣкоторые изъ нихъ, пользуясь оврагомъ, примыкавшимъ къ одному изъ фасовъ укрѣпленія и темнотою ночи, прокрадывались къ выюкамъ, составлявшимъ наружное укрѣпленіе и, прильнувъ къ нимъ неподвижно, прикрывъ себя кошмой или какимъ другимъ лахмотьемъ, словно

со всѣми уловками и хитростію людей, привыкшихъ къ ремеслу хищничества, успѣвали вытаскивать сухари и нѣкоторыя вещи; но немногимъ удавалось возвращаться съ добычей! Иные были заколоты штыками нашихъ солдатъ у самыхъ выюковъ, другіе постигнуты пулей на пути.

Съ зарёю вѣсть поднялись Хивинцы и долго молились, вслѣдъ за тѣмъ раздался звонкій голосъ рожка, и непріятель началъ облегать отрядъ г. Ерофѣева. Человѣкъ 60 Туркменовъ, спѣшившись и гоня передъ собою верблюдовъ, приближались подъ этою движущеюся стѣною къ нашему каре; за ними слѣдовали толпы конныхъ; но съ первыхъ выстрѣловъ нѣсколько верблюдовъ пало; привязанные одинъ къ другому, остальные не могли двинуться съ мѣста и непріятельскіе охотники остались открытыми; между тѣмъ вышедшіе изъ за укрѣпленія наши стрѣла-

ки сбѣли и прогнали ихъ, захвативъ обратно своихъ верблюдовъ. Это смѣшало общій непріятельскій натискъ: Хивинцы дѣйствовали не дружно, отступили въ безпорядкѣ и преслѣдуемые далеко,—непоказывались болѣе въ виду Русскаго отряда. Г. Ерофѣевъ безъ артиллеріи, съ отрядомъ въ семь разъ менѣе непріятельскаго, безпрепятственно снялся со своей позиціи, и вечеромъ тогожъ 20 числа прибылъ благополучно въ Акъ-булакское укрѣпленіе.

Потеря съ нашей стороны состояла изъ 5-ти человекъ убитыхъ и 14 раненыхъ. Непріятель отступилъ, не успѣвъ даже захватить всѣхъ своихъ убитыхъ, что у Туркменовъ и Хивинцевъ, подобно какъ у всѣхъ мусульманъ, считается постыднѣе самого пораженія. По всѣмъ вѣроятіямъ, потеря непріятеля въ дѣлѣ съ отрядомъ Ерофѣева простиралась до ста человекъ убитыхъ и раненыхъ.

Описанныя мною два дѣла съ Хивинцами, незначительныя въ существѣ своемъ, были важны по послѣдствіямъ, и тѣмъ, что ознакомили насъ съ непріателемъ, съ которымъ мы только въ другой разъ такъ близко встрѣтились.

Собранныя въ послѣдствіи свѣдѣнія показали, что ханъ Хивы, готовясь къ войнѣ съ Русскими, послалъ кличъ къ Туркменамъ, Каракалпакамъ и Киргизамъ, и собравъ около 3 т. отборнаго войска, ввѣрилъ его своему дестерханджи *), самому близкому къ себѣ человѣку, извѣстному храбростію и благоразуміемъ въ народѣ. Онъ отдалъ ему одно приказаніе, — уничтожить Акъ-булакское и Эмбинское укрѣпленія съ его гарнизонами, иначе,

*) Дестерханджи въ буквальномъ переводѣ значить скатертникъ; званіе, соответствующее нашему старинному кравчему; онъ вмѣстѣ и главный казначей, который съ мѣтеремъ раздѣляетъ верховное управленіе Хивы.

не возвращаться въ Хиву. Весь отрядъ состоялъ на ханскомъ жалованьѣ, былъ плохо вооруженъ, но на прекрасныхъ аргамакахъ, на быстроту которыхъ хивинскіе войны надѣются въ даль болѣе, чѣмъ на собственную силу и храбрость. Онъ достигъ до Каратамака (на Сѣверо-западной оконечности Аральскаго моря) скоро и довольно благополучно; но, застигнутый сильными буранами, остановился здѣсь и пробылъ на мѣстѣ около двухъ недѣль, изнурилъ коней, ослабъ физически и упалъ духомъ; за всемъ тѣмъ, едва миновались бураны, отрядъ выступилъ въ путь, и на третій день явился близъ нашего укрѣпленія, перѣхавъ пространство 250 верстъ!.... Очень сомнительно, чтобы хивинскій военачальникъ снабдилъ нужнымъ количествомъ запасовъ оставшихся на Картамакѣ худоконныхъ и слабыхъ, которыхъ число простиралось до тысячи человѣкъ, но у самаго Акъ-булака, при

его отрядъ, было нѣсколько заводныхъ лошадей, большею частію съ запасомъ приготовленной для лошадей кукурузы; съѣстные же припасы каждый имѣлъ при себѣ, или, правильнѣе, долженъ былъ имѣть, — у многихъ ихъ не было.

Я отклонился отъ своего предмета, и спѣшу обратиться къ нему. Хивинскій отрядъ, отбитый отъ Акъ-булак-скаго укрѣпленія и потерпѣвшій отъ горсти людей, бывшихъ съ г. Ерофѣевымъ, уже не думалъ итти къ Эмбинскому укрѣпленію, гдѣ сосредоточились въ то время Русскіе отряды, но, прокочевавъ день два въ окрестностяхъ Чагана, направился, чрезъ Каратамакъ, къ своимъ владѣніямъ. Застигнутый на пути продолжительными буранами, онъ потерялъ большую часть лошадей, и до полуторы тысячи людей погибли отъ голода и стужи; остальные, большею частію разметанные бураномъ на пустынномъ пространствѣ Усть - Урта, кое-гдѣ переждали не-

настье и достигли до первыхъ ауловъ. Самъ дастерханджи едва дотащился на чужой лошади въ Хиву, гдѣ подвергся всеобщимъ насмѣшкамъ и гнѣву Хана, счастливый еще тѣмъ, что удержалъ свою голову на плечахъ. Такъ кончилась эта экспедиція.

26 Января. Акъ-булакъ.

Января 24 прибылъ г. главноначальствующій надъ войсками, дѣйствующими противъ Хивы, и мы были присоединены къ его отряду. Послѣдствія похода этихъ войскъ всѣмъ извѣстны. Мы не дошли до Хивы, ноцѣль похода была достигнута: уstraшенный ханъ выдалъ нашихъ плѣнныхъ и согласился на предложенныя ему условія Рускаго Двора.

Довольно изобразить одинъ переходъ нашего отряда, чтобы дать понятіе о всей экспедиціи, о длинномъ рядѣ подобныхъ переходовъ, подобныхъ дней, съ небольшими оттънка-

ми, въ подробностяхъ, на этой картинѣ, и безъ того, какъ увидите, довольно мрачной.

✓ Въ три часа утра бьетъ барабанъ; съ полъ-часа потомъ продолжается тишина; народъ завтракаетъ, и вотъ поднялась тревога; выючка: крикъ Киргизовъ, единообразный ревъ верблюдовъ, громкое командованіе старшихъ, общее движеніе, и все это подъ открытымъ небомъ въ 26° мороза или въ буранъ, гдѣ зги не видно передъ собою, и все это ночью, на глубокомъ снѣгу, на открытой отовсюду пустынѣ. Еще барабанъ: это 5 часовъ, иногда нѣсколько позже; колонна выступаетъ. Казаки Оренбургскаго регулярнаго полка, безъ выюковъ, ѣдутъ впереди въ восемь, десять рядовъ и прокладываютъ восемь, десять тропинокъ въ снѣгу, гдѣ на каждомъ шагу тонутъ лошади и гдѣ люди, обыкновенно, спѣшиваются и помогаютъ имъ въ тяжелой работѣ; передовые, выбившись изъ

силъ, смѣняются: это самая утомительная борьба съ природой; каждый шагъ надобно брать грудью. За этимъ передовымъ отрядомъ тянутся въ восемь, десять «нитокъ» выючные верблюды длинной, безконечной вереницей, перемежаясь то артиллерійскими орудіями, изъ которыхъ нѣкоторыя идутъ въ головѣ, то баталіономъ линейныхъ войскъ, то сотнею Уральскихъ или Оренбургскихъ казаковъ. Арріергардъ, идущій въ нѣкоторомъ отдаленіи, подбираетъ отсталыхъ верблюдовъ, или покрайней мѣрѣ собираетъ съ нихъ выюки. Работа едвали легче работы авангарда, который имѣетъ ту выгоду, что приходитъ гораздо ранѣе на мѣсто.

Утомленные верблюды, особенно во время бурана, валятся на каждомъ шагу,—а, замѣтьте, за тропой, которая шириною ровно въ верблюжій ходъ, сугробы снѣгу,—и вотъ бѣдный вер-

блюдь палъ, около него раздаются проклятiя Киргиза погонщика, удары сыплются градомъ, но бѣдное животное безчувственно къ нимъ, и только, когда весь отрядъ отъ него удалится, верблюдь болѣзненно вытягиваетъ шею, озираетъ пустыню и вновь склоняетъ голову, предвидя горестный конецъ свой: черезъ нѣсколько минутъ его заноситъ снѣгомъ, но жизнь на долго еще остается въ немъ, если не набредутъ на него стаи волковъ, слѣдящихъ за экспедиціей.

Буранъ или морозъ, нерѣдко доходившій до 30 градусовъ, были попереѣменными и всегдашними спутниками отряда. Слѣдуя за длинной вереницей верблюдовъ, въ головѣ кторой не видно конца, неимѣя возможности ѣхать рядомъ вдвоемъ и разговаривать (да и не до словъ бывало) на досугъ изучаешь высокія добродѣтели одного изъ полезнѣйшихъ, изъ «величайшихъ» въ мірѣ животныхъ—верблюда и учишься у него

величайшей въ міръ добродѣтели, терпѣнію.

Около 3-хъ часовъ по-полудни останавливается отрядъ: новый трудъ. Нужно разчистить сугробы снѣгу для кибитокъ, для подножнаго корма верблюдовъ и лошадей, и наконецъ для ночлега верблюдовъ, у которыхъ только было и нѣги, что ихъ на ночь клали на землѣ, а не на снѣгу; нужно добыть топлива, а это топливо большею частию составляли корни растеній, замерзшіе, едва тлѣющіе на огнѣ и наполнявшіе кибитку удушливымъ дымомъ, вмѣсто отраднаго огонька. Впрочемъ случался и яркій огонь на ночлегъ, и это была роскошь, которой конечно вы не постигнете.

Весь отрядъ подвигался большею частию тремя колонами, шедшими на разстояніи обыкновеннаго перехода одна отъ другой. Обыкновеннымъ хоро-

шимъ переходомъ считалось 15 верстъ, но случалось въ полъ-сутокъ пройти 2 и 3 версты. Важнѣйшею помѣхою въ этомъ дѣлѣ былъ буранъ.

Во всемъ отрядѣ было болѣе 12,000 верблюдовъ. Раздѣлите это число хоть на десять рядовъ съ необходимыми промежутками для вершниковъ, и вы легко себѣ представите, какую безконечно длинную линію занимали они.

АНГЛІЙСКІЕ ОФИЦЕРЫ

ВЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ.

Около этого времени нѣсколько офицеровъ англійской, королевской и Остъ - индской, службы проникли въ Среднюю Азію, и между тѣмъ какъ К. и Г., офицеры экспедиціи шедшей въ Бухару, бѣдствовали въ Большихъ Барсукахъ, участь ихъ была еще горьче въ разныхъ городахъ Средней Азіи. Всѣ эти люди имѣли свидѣнія другъ о другъ че-

резъ туземцевъ; положеніе, общее всѣмъ имъ, заставляло принимать участіе одного въ судьбѣ другаго; случалось даже, что вещи, отнятыя туземцами у одного, выручались другимъ и служили ему грустнымъ напоминаніемъ прошедшаго и зловѣщимъ знаменіемъ будущаго. Впослѣдствіи, нѣкоторые изъ этихъ людей сошлись, и двое изъ нихъ только для того, чтобы умереть вмѣстѣ подъ ножомъ убійцъ.

Капитанъ Коноли, — тотъ смѣлый Коноли, который лѣтъ десять тому назадъ, послѣ многихъ приключеній, прошелъ черезъ Туркменскія степи, — томился въ неволѣ въ Коканѣ, и страннымъ образомъ спасся на этотъ разъ отъ казни. Его привели во дворецъ хана, и мулла, лично къ нему непріязненный, началъ убѣждать его принять магометанскую религію. Коноли вѣроятно догадывался, что въ сосѣдней комнатѣ скрывался самъ ханъ и слышалъ его разговоръ: когда мулла, послѣ долгихъ разгла-

гольствованій потребовалъ отъ него рѣшительнаго согласія на перемѣну религіи, замѣтивъ что самъ Магомметъ въ это время слышитъ его отвѣтъ и что кара его готова , если этотъ отвѣтъ будетъ отрицателенъ, Коноли отвѣчалъ съ твердостію : если Магомметъ будетъ слушать ушами хана , то онъ дѣйствительно узнаетъ немедленно мой отвѣтъ ; если онъ будетъ дѣйствовать по внушенію муллы, то онъ, Коноли, увѣренъ что кара уже готова для него; но что если Магомметъ такъ великъ и правосуденъ , какъ говоритъ мулла и коранъ , то самъ внушитъ , что ему дѣлать. — Отвѣтъ этотъ былъ принять ханомъ , какъ свыше вдохновенный, и Каноли былъ спасенъ.

Впослѣдствіи Каноли пробрался въ Бухару; здѣсь нашелъ онъ полковника Стотгарта, который, чтобы спасти себя отъ казни, уже принялъ магометанскую религію и даже получилъ позволеніе оставить Бухару ; онъ уже

готовился къ отправкѣ на русскую границу съ однимъ изъ купеческихъ каравановъ, прїѣздъ Коноли и подозрительность хана заставили остаться въ Бухарѣ. Вскорѣ онъ Стотгарта былъ опять посаженъ въ яму, также какъ и Коноли, а когда ханъ узналъ, что Англичане оставили Авганистанъ, то не боясь болѣе ихъ мести, велѣлъ зарѣзать обоихъ. Коноли, не смотря ни на какія пытки, не принявъ магометанской религіи; тотъ и другой умерли съ твердостію, удивившей Бухарцевъ.

Стотгартъ состоялъ при англійской миссіи въ Персіи и оттуда проникъ въ Бухару. Когда онъ представлялся хану, то двое изъ почетныхъ узбековъ, согласно этикету бухарскаго двора, взяли его подъ руки, чтобы представить предъ свѣтлыя очи хана; это дѣлается подъ видомъ уваженія къ представляемому лицу, но болѣе для того, чтобы овладѣть его руками и такимъ обра-

зомъ обезопасить особу хана отъ всякихъ бѣдъ. Конечно, пріемы бухарскихъ «придворныхъ» были не всѣмъ ловки и привѣтливы, и потому не мудрено, что Стотгартъ принималъ ихъ за насиліе своей особы и личное оскорбленіе; онъ освободилъ свои руки и, выхвативъ обнаженную шпагу, сталъ въ оборонительное положеніе. Поднялась тревога, но ханъ казался довольно покойнымъ; наконецъ, когда успѣли объяснить Стотгарту, съ какою цѣлію его взяли подъ руки и все пришло въ порядокъ, ханъ замѣтилъ ему насмѣшливо: не ужели онъ одинъ думалъ противостать всей Бухарѣ и силою выручить жизнь свою, еслибы ей угрожала какая либо опасность. — Я объ жизни и недумалъ, отвѣчалъ Стотгартъ; но я спасалъ свое доброе имя отъ упрека, спасалъ честь націи, оскорбляемой въ моемъ лицѣ, и не потерплю никакого насилія, пока въ состояніи владѣть руками. —

«А кто узнаетъ о твоёмъ поведеніи, которое будетъ стоять тебѣ жизни, кто одобритъ его?» Мое собственное, внутреннее убѣжденіе!— Ханъ долго смѣялся надъ этимъ отвѣтомъ и нѣсколько разъ повторялъ его своимъ приближеннымъ, какъ отличную пошлость, сказанную Европейцемъ.

Казнь англійскихъ офицеровъ была для нихъ милостью сравнительно съ тою пыткой, которую они терпѣли въ ямѣ. Вотъ какого рода эти ямы, достойныя сатанинской мысли; въ нихъ предварительно распложаютъ клоповъ до того, что вся яма наполняется ими, томятъ ихъ голодомъ, и потомъ опускаютъ туда несчастную жертву.... Вообще изобрѣтательность азійцевъ проявляется вполне въ емысли различнаго рода казней. Недавно ташкентскій визирь, желая отомстить за что-то одному своему родственнику, зарылъ его, живаго, въ землю по шею, выбрилъ ему голову, намазалъ ее медомъ и

такимъ образомъ, среди знойнаго лѣта, предалъ его на жертву вѣсѣмъ насѣкомымъ. Капитанъ Шакспиръ, о которомъ я сей часъ буду говорить, рассказывалъ слѣдующее: Одинъ туркменскій старшина, — если не ошибаюсь, — зарылъ, также живаго, по плеча своего брата, и обвивъ вокругъ его шеи веревку, другимъ концемъ ея взнуздалъ лошадь. Употребивъ такимъ образомъ шею своего брата вмѣсто прикола, онъ гонялъ вокругъ нея лошадь до того, пока веревка не перетерла совершенно шеи и голова не отделилась отъ туловища.

Коноли былъ однимъ изъ самыхъ смѣлыхъ путешественниковъ, какіе когда либо бывали. Умный, опытный, находчивый въ бѣдѣ, онъ не разъ выручалъ жизнь свою изъ крайнихъ опасностей; но не любилъ онъ этой жизни, и потому вновь подвергалъ опасностямъ и вообще тратилъ ее какъ ни попало. На

добно однако сказать, что есть великое наслажденіе въ этой борьбѣ съ опасностями, изъ которой выходишь побѣдителемъ.

Капитанъ артиллеріи Ость-Индской компаніи, Абботъ, былъ посланъ съ порученіями Мекъ-Натена въ Хиву; тамъ онъ былъ по-временамъ честимъ, по-временамъ въ подозрѣніи у покойнаго хана, и наконецъ, когда русская военная экспедиція, дѣйствовавшая противъ Хивы, уже была на обратномъ пути въ Оренбургъ, Абботъ пустился туда же, черезъ Усть-уртъ. На пути, еще у южныхъ предгорій Усть-урта, онъ попался въ плѣнъ къ киргизскому батырю Исету.

Исетъ, въ свое время, былъ нашимъ врагомъ и пріятелемъ, и я долженъ сказать о немъ хотя нѣсколько словъ.

Исету не было еще 20 лѣтъ отъ роду, когда онъ уже пріобрѣлъ себѣ славу въ степи и общее уваженіе между

своими, хотя по рожденію принадлежалъ къ «черной кости».

Здѣсь я долженъ сдѣлать опять отступленіе, чтобы пояснить различіе между «бѣлой!» и «черной костью» въ Киргизской степи, для тѣхъ, кому это неизвѣстно.

Къ «бѣлой кости» принадлежать всѣ тѣ, которые ведутъ свое поколѣніе отъ Чингиса. Они именуются султанами. Это аристократія степи. Султаны, особенно дочери ихъ, избѣгаютъ родственныхъ связей съ плебеями, пользуются некоторыми наружными почестями и только, — если личными своими достоинствами не заслужили довѣрія въ народъ. Прежде, когда были ханы въ Киргизской степи, султаны по преимуществу пользовались правомъ избирательства въ ханское достоинство. Теперь русское правительство ввѣряетъ имъ разныя должности, и только выбранныхъ «бѣлой

кости» утверждаетъ султанами-правителями, замѣнившими хановъ въ Ордѣ; оно даровало имъ нѣкоторыя особенныя права и вообще оказываетъ имъ отличіе передъ народомъ. Число султановъ невелико.

Жена—Калмычка составляетъ предметъ пламенныхъ желаній всякаго средне-азійскаго магометанина, и народъ долженъ былъ нерѣдко отказываться отъ этой добычи въ пользу султановъ, тѣмъ болѣе, что Калмычки, по его понятію, улучшаютъ породу «бѣлой кости»; особенно во время извѣстнаго бѣгства Калмыковъ изъ Россіи въ Жюнгарию, султаны запаслись женами калмычками. Отъ нихъ то заимствовали потомки эти рѣзкія черты монгольскаго племени. Съ перваго взгляда угадаете ихъ по выдавшимся скуламъ и по нижней части лба, которая до того впала, что если проведете по длинѣ его линію, то она непременно коснется двухъ конечностей глазъ.

Между султанами и народомъ, или между «бѣлою и черною костью» есть еще одно сословіе, непринимаемое первою и отвергающее послѣднюю: это «хоаджи» которыхъ не должно смѣшивать съ хаджи, поклонниками, совершившими путешествіе въ Мекку. Хоаджи ведутъ родословную отъ Фатимы, дочери Магомета, и считаютъ свое происхожденіе древнѣе и славнѣе происхожденія султановъ; за всѣмъ тѣмъ не пользуются особенными преимуществами ни въ народѣ ни передъ русскимъ правительствомъ. — Есть еще рабы, Торгауты, племя жалкое, ничтожное въ нравственномъ отношеніи и малочисленное.

Исетъ былъ сложенъ какъ Геркулесъ; его атлетическія формы, его дикая красота и приемы, полные отваги, могли поразить Европейца и имѣли сильное вліяніе въ кругу его соотечественниковъ. Объ немъ разказываютъ множество анекдотовъ: вотъ

одинъ изъ нихъ. Исетъ какъ то увидѣлъ въ улусахъ Куль-Мухамета его дочь, и былъ пораженъ ея красотою. Въ то время онъ могъ бы легко добыть ее себѣ въ жены; но, не подстрекаемый препятствіями, вскорѣ совершенно забылъ прекрасную султаншу. Прошелъ годъ: два рода, Куль-Мухаметъ и Исета, поссорились и повели между собою кровавую вражду. Исетъ батырствовалъ; женщинъ онъ презиралъ, какъ существа, съ которыми была связана мысль, хотя о временной осѣдлости, хотя объ легкихъ для Киргиза путяхъ; а Исету нужны были свобода и просторъ безграничные.

Однажды, подъ-вечеръ, пріѣхалъ къ Исету кочующій купецъ, гость желанный, въстопщикъ неистощимый; гостепріимный батырь честилъ его отъ души, а купецъ говорилъ не умолкая. «Въ аулъ Куль-Мухамета будетъ такой пиръ, сказалъ гость, какого давно не было въ степи.» — А что? Куль-

Мухаметъ отдаетъ за мужъ дочь свою. Исетъ смолчалъ, но судорожное движеніе лица его показывало ясно, что эти слова глубоко уязвили его. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ изъ кибитки, позвалъ къ себѣ двухъ вѣрныхъ и надежныхъ товарищей и спутниковъ баранты, и еще до разсвѣта, всѣ трое о-дву-конь, были они въ аулъ Куль-Мухамета, находившемся верстахъ въ 70 отъ аула Исета. Это было въ темную осеннюю ночь. Припавъ къ землѣ, Исетъ ползкомъ подкрался къ юртѣ, гдѣ, какъ онъ полагалъ, была его красавица, и вскорѣ вышелъ оттуда съ ношею на рукахъ; похищенія нельзя было сдѣлать въ-тихомолку: поднялась тревога, но товарищи Исета увлекли за собою погоню, а самъ онъ безпрепятственно достигъ до своей лошади, скрытой за бугромъ. Еще минута,—и онъ сидѣлъ верхомъ, привязывая къ сѣдлу свою драгоценную ношу; какъ вдругъ, при возникающей

зарь, онъ замѣтилъ, что на рукахъ его была полуживая старуха, олицетворенное безобразіе; онъ готовъ былъ кинуть съ размаха о-земь это жалкое существо, но счастливая мысль мелькнула передъ нимъ и онъ пощадилъ его. — Укажешь ли ты мнѣ кибитку и ложе дочери султана?

«Укажу.»

Исету некогда было ожидать, пока уляжется взволнованный народъ; оставивъ одну лошадь на мѣстѣ и посадивъ на другую старуху, онъ отправился за ней на новый подвигъ. Вскорѣ его примѣтили. Ударивъ нагайкою лошадь и гикнувъ на нее, онъ припалъ къ землѣ, и между тѣмъ какъ лошадь неслась со своею жертвою, ясно отражавшеюся на просвѣчивавшемся горизонтѣ и увлекала за собою погоню, Исетъ добрался до желанной кибитки и на этотъ разъ не ошибся.

На другой день, въ аулъ Исета сла-

вили подвигъ его и добытую имъ красавицу, которая не только не печалилась о своей участи, но гордилась тѣмъ, что столькихъ опасностей и жертвъ стоила своему мужу властелину.

Абботъ былъ ограбленъ, избитъ, израненъ; сопровождавшіе его Авганцы были разобраны Киргизами по рукамъ; жизнь Аббота висѣла на волоскѣ, но подоспѣвшіе во-время Туркмены, охраненію которыхъ онъ былъ порученъ хивинскимъ ханомъ, выручили его и проводили въ наше Ново-Александровское укрѣпленіе, находящееся, какъ извѣстно, на восточномъ берегу Каспійскаго моря; отсюда, больнаго, привезли его въ Оренбургъ, гдѣ онъ оправился и черезъ Петербургъ возвратился въ Лондонъ

Киргизы, бывшіе съ Исетомъ, рассказываютъ странный случай, которому можетъ быть Абботъ обязанъ жи-

знію. Исетъ счелъ его за Русскаго, принадлежавшаго къ тому военному отряду, который наказывалъ окрестныхъ киргизовъ за разныя ихъ преступленія; боясь въ свою очередь заслуженной кары, онъ всячески допытывался черезъ Авганцевъ, понимавшихъ по татарски, гдѣ находился въ это время отрядъ? Абботъ, полагая, что онъ спрашивалъ объ отрядѣ Туркменовъ, сопровождавшихъ его, указалъ на Юго-Западъ.

— Въ сторонѣ Хивы! замѣтилъ насмѣшливо Исетъ, предполагая явный и дерзкій обманъ въ этихъ словахъ; хорошо, я пойду на встрѣчу къ нему, — и дѣйствительно наткнулся на туркменскій отрядъ, о которомъ мы говорили.

Здѣсь бы мѣсто разсказать о заключеніяхъ того Авганца, который везъ довольно значительную сумму денегъ Абботу изъ Герата; но это

отвлекло бы насъ слишкомъ далеко отъ предмета.

Поручикъ Сиръ Ричмондъ Шакспиръ, нынче капитанъ, жилъ въ Гератъ, и судя потому, какъ онъ заботился о внутреннемъ хозяйствѣ своей квартиры и приспособленіи возможнаго въ ней комфорта, должно было полагать, что онъ располагался прожить здѣсь долго и спокойно, какъ вдругъ получилъ черезъ маіора Тодта приказаніе ѣхать въ Хиву; инструкція Мекъ-Натена была предназначена для Аббота, но такъ какъ въ Гератъ уже знали объ отбытіи Аббота изъ Хивы, то она была вручена Шакспиру. 11-го Маія 1840 года, онъ получилъ приказаніе, а 13-го Маія, простившись съ другомъ своимъ, визиремъ Баръ-Мугаметъ-ханемъ, отправился въ путь.

Онъ совершилъ свое путешествіе смѣло и удачно, чему конечно много способствовали тогдашнія обстоятельства.

Я не упоминаю о тѣхъ непріятностяхъ, которыя онъ иногда терпѣлъ отъ попутныхъ Туркменовъ; даже не вижу большой бѣды и въ томъ, что онъ однажды со своими спутниками сбился съ пути, гдѣ были колодцы, и такимъ образомъ нѣсколько времени томился жаждой въ самую пору зноя, — это неизбѣжныя приключенія путника въ степяхъ Средне-азійскихъ. Къ тому же, туземцы съ удивительнымъ инстинктомъ умѣютъ находить воду вездѣ, на неглубокомъ разстояніи отъ поверхности, разумѣется воду тухлую и очень непріятную для вкуса, но ужъ такая тамъ вездѣ колодезная вода, и волей или неволей, а путникъ привыкаетъ къ ней, благословляя провидѣніе за этотъ небесный даръ пустынь.

Происхожденіе этой воды уже обращало на себя вниманіе нѣкоторыхъ ученыхъ, составляя дѣйствительно чудное явленіе природы. Можетъ не всѣмъ извѣстно, что въ степяхъ Кир-

гизъ-казаковъ и Туркменовъ, и во многихъ другихъ въ Средней Азіи, гдѣ равнины не имѣютъ никакого склона ни на поверхности, ни по внутреннему своему строенію и образуютъ какъ бы котловину, въ этихъ мѣстахъ, лишенныхъ совершенно проточной воды, безжизненныхъ и раскаленныхъ полу-деннымъ зноемъ, — туземецъ почти вездѣ находитъ воду, часто среди песковъ и солончаковъ, на глубинѣ одного или двухъ аршинъ; эта вода, какъ мы замѣтили, болѣею частью тухлая, находится всегда въ незначительной массѣ, легко исчерпывается, видимо не имѣетъ никакого значительнаго источника или прибыли, содержитъ много постороннихъ веществъ и носить всѣ признаки застоя. — Откуда взялась эта вода въ помертвѣломъ остовѣ природы, неоживляемомъ протоками, гдѣ даже небесная роса не всегда спадаетъ въ теченіи лѣта?

Я уже имѣлъ случай привести свои

догадки по этому предмету; нынче, дальнѣйшія обследованія дѣла и нѣкоторыя данныя, позволяютъ мнѣ дать большую степень вѣроятія своимъ предположеніямъ и изложить ихъ съ нѣкоторою точностію.

Вотъ какимъ образомъ изъясняетъ полковникъ Кодацци (Codazzi), въ своемъ чрезвычайно любопытномъ обзорѣ нѣи области Венесуелы, Южной Америки, происхожденіе многочисленныхъ Американскихъ рѣкъ, берущихъ свое начало среди пустынь и составляющихъ исключительное явленіе природы, принадлежность степей. Прежде, желая непременно опредѣлить начало этихъ рѣкъ, помѣщали, у истоковъ ихъ, кряжъ горъ, и такимъ образомъ очень натурально объясняли себѣ происхожденіе водъ. Горы эти приходились среди самыхъ льяносовъ (американская травяная степь, отличающаяся отъ саванновъ своею сухостію). Кодацци не находитъ горъ въ льяно-

сахъ , но говорить, что тамъ образуется большая плоская возвышенность, plateau, измѣняющаяся отъ 130 до 200 футовъ въ высоту. По показаніямъ ея струится множество ручьевъ, едва примѣтныхъ въ тѣни маврикіевыхъ пальмъ (*Mauritio flexuosalia*); эти ручьи растутъ на пути безъ всякаго видимаго притока водъ, и вскорѣ образуютъ судоходныя рѣки, — явленіе, противорѣчащее съ перваго взгляда всѣмъ извѣстнымъ законамъ, но которое Кодацци объясняетъ геогностическимъ образованіемъ страны. Поверхность этихъ плоскихъ возвышенностей представляетъ вообще песчаную почву, покрытую высокими травами, свойственными американскимъ саваннамъ; втеченіе зимы, дожди, столь частые въ эту пору, проникаютъ чрезъ рыхлый слой песку до глинистой почвы, на которой покоится онъ, и тамъ останавливаются, удерживаемые ея плотностію. Этотъ запасъ во

ды пробирается по всемъ скатамъ и выступаетъ вдоль ихъ краевъ, образуя на поверхности тѣ ручейки, о которыхъ мы говорили, питаетъ ихъ безпрестаннымъ просасываніемъ водъ черезъ рыхлый песокъ, и составляетъ невидимый притокъ, превращающій эти ручейки въ огромныя рѣки.

Такимъ образомъ Кодацци встрѣтился, совершенно для него нечаянно, съ мыслию, которой коснулся я, говоря о происхожденіи подземныхъ водъ степей Азіи. И здѣсь не рѣдко, въ извѣстную пору года, дожди, не имѣя источника на плоской степи, просасываются черезъ рыхлый песокъ, составляющій почти повсемѣстную ея поверхность, и останавливаются на плотной глинѣ, которая образуетъ его ложе. Но воды эти, не имѣя подземнаго истока по площади глины, совершенно параллельной поверхности степи и слѣдовательно совершенно плоской, находятся въ постоянномъ застоѣ, и только испаре-

ніемъ и медленнымъ просасываніемъ черезъ плотную глину сбываютъ ежегодную, хотя незначительную дань дождей. Явленіе это болѣе подтверждается тамъ, гдѣ выдавшіеся на поверхность горные пласты представляютъ нѣкоторый склонъ для истока воды; такимъ образомъ въ горахъ Мугоджарскихъ, и особенно на Усть-уртѣ, во время дождливой поры, въ разрывахъ горъ, гдѣ просасывается ручей, видно, какъ воды скатываются, не на поверхности песковъ, но по пласту глины, которой они достигаютъ и потомъ ниспадаютъ внизъ, нерѣдко, при сильномъ притоку, прорѣзывая пластъ глины до песчаника или мергеля; потому этотъ ручей течетъ медленно, не имѣетъ никакого паденія на пути, почти всегда выше горизонта подземной водной площади, и слѣдовательно не почерпая отъ нея водъ, но теряя свои въ пескахъ, чрезъ которые онъ просасывается, и рѣдко достигаетъ своей

цѣли; самая Эмба, довольно значительная на пути своемъ, недостигаетъ до моря и устьемъ своимъ исчезаетъ въ пескахъ, за нѣсколько верстъ отъ него. Вотъ происхожденіе тѣхъ сухихъ ложбинъ и корытъ, которыя замѣняются здѣсь американскія роскошныя рѣки, и которымъ, какъ бывъ насмѣшку, придаютъ названіе рѣкъ на всѣхъ географическихъ картахъ.

Шакспиръ изъ Хивы прибылъ также благополучно на Оренбургскую линію, вмѣстѣ съ Русскими, плѣнными, возвращавшимися на свою родину; отсюда онъ отправился черезъ Петербургъ въ Лондонъ, и во-время поспѣлъ въ Индію, чтобы участвовать въ послѣдней экспедиціи Англичанъ въ Афганистанъ, гдѣ онъ былъ уже въ качествѣ военнаго секретаря при генералѣ Поллокѣ.

Напечатанный Шакспиromъ въ Blackwood's Magazine коротенькій путевый

журналъ исполненъ ошибокъ, и конечно мало прибавить свѣдѣній къ тѣмъ, которыя имѣемъ о пройденныхъ имъ мѣстахъ; названія многихъ мѣстъ и лицъ до того измѣнены, что очень часто не можно догадаться, о чемъ или о комъ онъ говоритъ.

Замѣчательно, что Шакспиръ, отправляясь въ путь изъ Герата, рассчитывалъ, кажется, на гостепріимство Туркменовъ, и удивляется, что не нашелъ его; это гостепріимство кочевыхъ народовъ существуетъ только въ воображеніи поэтовъ; еще оно соблюдается въ отношеніи къ магометанамъ единовѣрцамъ; но посѣщеніе чужевѣрца уже считается оскверненіемъ юрты, и должно быть окуплено или дорогою платою или нерѣдко плѣномъ непрошеннаго гостя. Все, что въ этомъ случаѣ иногда соблюдается, такъ это то, что дадутъ путнику выйти изъ кибитки и удалиться нѣсколько изъ ауловъ, за которыми онъ уже дѣлается добы-

чею перваго догнавшаго его, и большею частию того, въ юртѣ котораго недавно сидѣлъ. Я не слишкомъ вѣрую и въ гостепріимство Арабовъ.

Шакспиръ изчисляетъ такимъ образомъ пройденное имъ пространство: отъ Герата до Мерва двѣсти шестьдесятъ пять миль, отъ Мерва до Хивы четыреста тридцать двѣ съ половиною мили, что составляетъ, отъ Герата до Хивы, шестьсотъ девяносто семь съ половиною англ. миль; этотъ путь онъ совершилъ въ двадцать пять дней, не смотря на нѣкоторыя непредвидѣнныя затрудненія. Онъ прибылъ въ Хиву въ Іюль мѣсяцъ, когда тамъ поспѣваетъ рисъ и свирѣпствуютъ лихорадки, но крѣпкая натура Англичанина избавила его отъ всѣхъ болѣзней. Въ Хивѣ онъ былъ честимъ: этого требовало положеніе хана. Хивинцы и теперь не могутъ безъ смѣху вспомнить, въ какое затруднительное положеніе приходилъ всегда Шакспиръ, когда

ему надобно было, сядя по обычаю Азіятцевъ на полъ, поджать подъ себя ноги; чрезвычайно длинныя и худыя, онѣ выставлялись изъ подъ него то въ видѣ сучковатыхъ палокъ, составляя преграды для всѣхъ проходящихъ мимо его, то описывали острые улы, которые очень беспокоили его сосѣдей; однимъ словомъ, ноги Шакспира составляли предметъ чрезвычайно затруднительный для него и для его ближнихъ.

Въ Хивѣ Шакспиръ встрѣтилъ одного изъ тѣхъ жалкихъ авантюристовъ, которые, изъ-за куска хлѣба, пускаются на край свѣта; кажется это тотъ самый, котораго мы встрѣтили на пути въ Коканъ, и котораго Кени-Сары, изъ состраданія или по другимъ причинамъ, освободилъ изъ плѣну. Родомъ онъ Италіянецъ. Тѣснимый нуждой въ своей благословенной Италіи, онъ поселился въ Парижѣ, и, по обыкновенію большей части своихъ одноземцовъ,

сталъ дѣлать гипсовыя статуи; работа кипѣла у него подъ руками, но не сходилась рукъ, и онъ часто оставался безъ куска хлѣба. Онъ оставилъ Парижъ и побрелъ въ Петербургъ, надѣясь, что тамъ предметъ его занятій не найдетъ соперничества. Но онъ ошибся: въ Петербургъ нашелъ онъ многихъ своихъ земляковъ, которые, проработавъ всю ночь, днемъ бродили по улицамъ съ цѣлою походною лавкою на головѣ и за всѣмъ тѣмъ возвращались домой, въ свои кануры, съ пустыми карманами, пустымъ желудкомъ и больною головою. Италіянецъ пустился въ Тифлисъ; здѣсь онъ хотя и не нашелъ соперниковъ, но его статуи никому не нужно было; тутъ только онъ убѣдился, что его ремесло, или художество, какъ онъ называлъ, ни на что ему негодно, и опредѣлился ученикомъ къ тифлискому часовыхъ дѣлъ мастеру. Постигнувъ тайну этого искусства, онъ отправился въ Тагеранъ; о ста-

туяхъ въ магометанской землѣ нечего было и думать, потому что коранъ строго запрещаетъ всякого рода изображенія, но увы!—новое его искусство встрѣтило и здѣсь соперничество, и здѣсь была неудача нашему Италіянцу.—Кажется съ Коноли онъ отправился въ Коканъ, оттуда перешелъ въ Ташкентъ, едва ли не былъ въ Кульжѣ, былъ въ Бухарѣ, и наконецъ очутился въ Хивѣ, вездѣ преслѣдуемый нуждой, нерѣдко побоями, плѣномъ, и угрожаемый смертію, которая два раза уже заглядывала ему прямо въ лицо.

Говоря объ англійскихъ офицерахъ, бывшихъ въ описываемое нами время въ Средней Азіи, мы не упомянули ни о Бюрнсѣ, ни о Вудѣ, потому что первый давно уже находился дѣйствующимъ въ Кабуль, а Вудъ также уже совершилъ свое путешествіе къ источникамъ Инда и Оксуса.

ВОЕННАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ
ПО ЗАКРАИНАМЪ ЛЬДА,
У ВОСТОЧНЫХЪ БЕРЕГОВЪ
КАСПІЙСКАГО МОРЯ.

ВОЕННАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ
ПО ЗАКРАИНАМЪ ЛЬДА,
У ВОСТОЧНЫХЪ БЕРЕГОВЪ
КАСПІЙСКАГО МОРЯ.

Мы, Русскіе, не любимъ говорить о себѣ; вѣрно—сдѣлано, да и забыли о томъ. Но я возобновляю смѣлую экспедицію нашихъ Уральцевъ въ памяти тѣхъ, которые участвовали въ ней.

Частые и смѣлые грабежи, производимые кочующими Киргизами Адоевскаго рода у восточнаго берега каспійскаго моря, истощили терпѣніе нашего правитель-

ства и принудили его принять рѣшительныя мѣры къ обузданію дерзкихъ корсаровъ. Нужны были мѣры грозныя и быстрыя, не смотря на зимнюю пору, а потому предположено было генералъ-адъютантомъ Перовскимъ снарядить военную экспедицію: это было въ концѣ 1836 года.

Зимняя экспедиція предпочиталась и потому, что восточный берегъ Каспійскаго моря, отъ нашихъ границъ и до Мангышлака, лишенъ воды, которую въ зимнюю пору можно было замѣнить снѣгомъ; къ снѣгу же казачьи лошади, породы киргизской, скоро привыкають. Сверхъ того, въ это время года, киргизскій скоть, отъ дурныхъ кормовъ и суровости зимы, изнуренъ и мало способенъ къ перекочеванію изъ однихъ мѣстъ на другія, къ чему Киргизы обыкновенно прибѣгаютъ лѣтомъ, чтобы избѣгнуть встрѣчи съ Русскими отрядами, посылаемыми въ степь для наказанія виновныхъ. Но

вопросъ состоялъ въ томъ, какой путь избрать для отряда: по льду моремъ, или берегами твердой земли?

Путь берегомъ изгибался и уклонялся отъ прямого направленія повсюду; не возможно было пройти пространство, заключающееся отъ оконечности нашей Уральской линіи до Мангишлака, 1200 верстъ, по дурной дорогѣ, по снѣгамъ, не изнузивъ совершенно лошадей, еще до прибытія отряда на мѣсто, гдѣ надобно было ему дѣйствовать быстро, чтобы застигнуть Киргизовъ въ распахъ или преслѣдовать ихъ.

Путь моремъ, по льду, несравненно прямѣе и легче для лошадей, чѣмъ берегомъ твердой земли, но онъ не безопасенъ; порывистый восточный вѣтеръ не рѣдко отторгаетъ льдины отъ самыхъ береговъ и уноситъ ихъ въ открытое море, въ глубь.

Предпочли этотъ послѣдній путь, тѣмъ болѣе, что онъ совершенно укры-

валъ наши движенія отъ дозора Киргизовъ и доставлялъ возможность застать ихъ на мѣстѣ; положено однако было, чтобы отрядъ, для безопасности своей, держался малой глубины, гдѣ ледъ тверже и рѣдко уносится въ море, а между тѣмъ путь этотъ къ Мангишлаку все-таки значительно сокращался.

Отрядъ въ 500 человекъ уральскихъ стѣборныхъ казаковъ былъ снаряженъ съ двумѣсячнымъ запасомъ фуража и провіанта, на лучшихъ киргизскихъ лошадяхъ, и такъ поспѣшно и тайно, что даже, не исключая своихъ, всѣ думали, что это обыкновенный нарядъ казаковъ на *полинейную* уральскую службу, а не для военной экспедиціи.

Начальство надъ отрядомъ ввѣрено было полковнику Мансурову, а помощниками ему даны были подполковникъ Данилевскій и адъютантъ генералъ-адъютанта Перовскаго, лейбъ-гвардіи гусарскаго полка штабсъ-рот-

мистръ Челяевъ, которые, въ случаѣ болѣзни начальника отряда или кого нибудь изъ нихъ, могли замѣнять одинъ другаго.

Мы уже замѣтили, что для достиженія цѣли экспедиціи, необходима была быстрота, чтобы Киргизы не провъдали преждевременно объ идущемъ къ нимъ отрядѣ и не перекочевали въ глубь степи, къ Туркменамъ или къ хивинскимъ границамъ, и тѣмъ не избѣгли наказанія Русскихъ, а потому экспедиція не иначе могла состояться, какъ на лошадахъ, безъ верблюдовъ; каждый казакъ ѣхалъ въ саняхъ, въ которыхъ находилось двумсячное его и лошади продовольствіе; но по достиженіи нашего Ново-Александровскаго укрѣпленія, отстоящаго отъ г. Гурьева около 500 верстъ по морю, долженъ былъ оставить сани въ укрѣпленіи, и дѣйствовать верхомъ, по усмотрѣнію начальника, на всемъ протяженіи непокорныхъ Киргизовъ, кочевавшихъ

въ трехъ—стахъ верстахъ отъ Ново-Александровска.

Сборнымъ мѣстомъ для отряда назначена была станица Сарайчиковская, куда въ два дня казаки, снаряженные въ экспедицію, собрались изъ своихъ станицъ, а на третій день, 21-го Ноября 1836-го года, выступили и пришли 24-го числа въ г. Гурьевъ, откуда отрядъ долженъ былъ итти въ походъ, по льду, моремъ. 25-го Декабря, по случаю праздника, была въ Гурьевъ дневка, а 26-го, на разсвѣтѣ, пользуясь небольшими морозами, отъ 8 до 10°, отрядъ выступилъ въ походъ, держась въ виду береговъ, на малой морской глубинѣ, дѣлая переходы отъ 40 и до 50 верстъ въ день. Ледъ былъ гладокъ, какъ зеркало, и лошади, подкованные на острыхъ шипахъ, не чувствовали почти тяжести саней. Ночлеги бывали на льду, большею частію у самыхъ береговъ, гдѣ росъ камышъ, вполне замѣнявшій дрова, а вмѣсто воды, во все

время нахождения отряда въ пути, казаки употребляли снѣгъ и ледъ, къ которому совершенно привыкли.

Страннымъ казалось для людей, въ первый разъ бывшихъ зимою на морѣ, видѣть огонь, горѣвшій нѣсколько часовъ сряду на льдѣ, не разрушая его.

Отрядъ шелъ въ слѣдующемъ порядкѣ: трое Гурьевскихъ, опытныхъ на морѣ казаковъ ѣхали впереди отряда, въ 200 саженьяхъ, и время отъ времени проби-вали ледъ желѣзными пѣшнями, измѣряя глубину казачьей пикой и стараясь держаться моря не болѣе $1\frac{1}{2}$ или 2 саж. глубины; за нимъ шелъ отрядъ.

Передовые казаки давали знать немедленно отряду, если замѣчали какую либо опасность: большія полыньи или рыхлость льду, для обхода которыхъ требовалось иногда углубляться въ море или приближаться къ берегамъ, отдалявшимъ отъ прямого пути; въ первомъ случаѣ, начальникъ отряда при-

*

нималъ, сколько въ его зависимости было, мѣры для отвращенія какихъ-либо несчастій. Отрядъ шелъ въ пять рядовъ, каждый рядъ состоялъ изъ 100 саней. Въ такомъ порядкѣ онъ слѣдовалъ шесть переходовъ отъ г. Гурьева моремъ, безъ всякихъ особенныхъ приключеній; правда, не было перехода, чтобъ нѣсколько разъ въ день ледъ, не слишкомъ окрѣпшій, не проваливался подъ санями отряда. Сначала, пока не привыкли, подобные случаи производили тревогу въ отрядѣ, но какъ они повторялись часто, безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій, то съ ними свыклись до такой степени, что они пораждали въ казакахъ общій смѣхъ. Когда въ отрядѣ бывало закричать, *врозь!* каждый догадывался, что ледъ подъ кѣмъ-нибудь провалился, и выдвинувшись со своими санями на просторъ, самъ спѣшилъ къ мѣсту, гдѣ нужно было оказывать помощь.

На 7-мъ переходѣ, въ день новаго года, въ 80-ти верстахъ отъ Ново-Александров-

скаго укрѣпленія, отрядъ пошелъ на перерѣзъ бухты, глубоко вдавшейся въ море, и такимъ образомъ представлявшей значительный обходъ; отрядъ перерѣзывалъ эту бухту на-искось, избѣгая по возможности глубины моря. Морозъ былъ въ 15° ; сильный восточный вѣтеръ дулъ прямо въ море. Отрядъ уже приближался къ берегу моря, какъ вдругъ порывистымъ вѣтромъ между 4 и 5-ю сотнею разломало лёдъ и раздѣлило ихъ отъ прочихъ водою. Четыре сотни, бывшія съ лѣвой стороны, кинулись къ берегу, а 5-я сотня, отдѣленная такимъ образомъ отъ отряда водою на 40 саж., осталась на мѣстѣ, на огромной массѣ льду, пмѣющей въ окружности нѣсколько верстъ.

Между тѣмъ, какъ первыя сотни выпрягали своихъ лошадей, чтобы поспѣшить на помощь 5-й сотни, съ ужасомъ увидѣли передовыхъ казаковъ, оторванныхъ вѣтромъ, на небольшой глы-

бѣ, уносимой въ море. Но мы на время оставимъ этихъ пловцовъ на жертву бури и моря, и обратимся къ 5-й сотнѣ.

Воспользовавшись минутнымъ затишьемъ, казаки съ удивительною быстротою нарубили и наловили плавающихъ ледяныхъ глыбъ; укрѣпивъ ихъ одна къ другой веревками и пѣшнями, составили такимъ образомъ плавающій мостъ и довели его съ береговаго льда до глыбы, на которой находилась 5-я сотня. По мѣрѣ того какъ льдины ломались при переправѣ подъ лошадьми, ихъ замѣняли новыми, и къ чести уральскихъ офицеровъ должно замѣтить, что ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ быть на безопасномъ мѣстѣ, пока не переправили такимъ образомъ всѣхъ казаковъ съ тяжестями, и оставались на живыхъ мостахъ, которые, отъ поднявшагося вновь восточнаго вѣтра, могло унести вмѣстѣ съ ними въ открытое море. Эта необыкновенная переправа продолжалась, на 2-хъ саж. глубины, около $1\frac{1}{2}$ часа, и только двое саней пошло

ко дну моря. Обратимся къ передовымъ казакамъ.

Еще за нѣсколько часовъ времени до того, какъ 5-я сотня оторвалась отъ большой колонны, адъютантъ Челяевъ, знакомый съ этими мѣстами прежде, и бывший уже съ генераль-адъютантомъ Перовскимъ въ Ново-Александровскомъ укр., замѣтилъ что передовые, желая прямѣе выдти къ выдавшемуся мысу, заходили далеко въ море; опасаясь какихъ-нибудь послѣдствій для отряда, если онъ попадетъ на большую глубину при столь сильномъ вѣтрѣ, Челяевъ опередилъ отрядъ въ своихъ легкихъ саняхъ. Догнавши передовыхъ, онъ тотчасъ велѣлъ остановиться, пробить лёдъ и измѣрить глубину. Сказано—сдѣлано. Въ одну минуту казаки проломали лёдъ, опустили въ воду пику, но дна не достали; бросили лотъ, и онъ показалъ глубину 3-хъ саженей. Ч. рукою далъ знать приближающемуся отряду, чтобы онъ повернулъ въ лѣво, ближе къ берегу, а самъ, повернувъ также въ

лѣво, остался вмѣстѣ съ передовыми казаками, чтобы чаще промѣривать море, пока отрядъ не выйдетъ на $1\frac{1}{2}$ или 2-хъ саж. глубину. Наконецъ передовые приближались уже къ тому мѣсту, гдѣ берегъ выходитъ мысомъ въ море и были отъ него не далѣе какъ въ 3-хъ верстахъ, какъ вдругъ раздался крикъ: отломъ! Челяевъ увидѣлъ между собою и берегомъ, наискось, куда хотѣлъ вывести отрядъ, воду; онъ обратился назадъ, чтобъ дать знать о томъ отряду, но къ удивленію своему увидѣлъ въ тоже время несущуюся въ лѣво, ближе къ берегу, всю колонну на рысяхъ, а одну небольшую часть на мѣстѣ; (это была 5 сотня). Передовые пустились въ лѣво къ берегу, чтобъ присоединиться къ отряду, но скоро остановлены были и съ этой стороны водою; они бросились назадъ, по направленію къ 5-й сотнѣ, но и тутъ было море. Въ такомъ положеніи передовые увидѣли себя окруженными со всѣхъ сторонъ разъяреннымъ открытымъ моремъ, на льдинѣ,

имѣвшей въ окружности одну версту, которую силою вѣтра несло прямо въ глубь и время отъ времени уменьшало въ объемѣ. Тутъ дѣлать было нечего! Челяевъ однако обратился къ казакамъ, съ вопросомъ, не придумаютъ ли они чего нибудь для общаго спасенія, пока еще ихъ льдина не очень отдалена отъ твердой массы льду? На что казакъ, изъ Гурьева городка, по фамиліи *Соболевъ*, отвѣчалъ съ совершеннымъ хладнокровіемъ, указывая на волнующееся море: ничего, ваше высокоблагородіе! кабы еще ледъ былъ твердъ и не ломало его, да былъ бы у насъ провіантъ съ собою, тогда, можетъ, Богъ и помпловалъ бы насъ; но льдину нашу несетъ прямо въ море и на глубин скоро ее изкрошитъ; если жъ она уцѣлѣетъ и пристанетъ куда нибудь къ большой льдинѣ, мы, безъ провіанта, умремъ голодомъ и холодомъ.—Не лзя было не удивляться той твердости и присутствію духа, съ какими казаки ожидали видимой гибели, тѣмъ болѣе, что каждый изъ

нихъ хорошо понималъ настоящее свое положеніе.

Сначала эта горсть людей, кинутыхъ въ открытое море, на утлой льдинѣ, отдѣлялась отъ твердыхъ льдовъ водою, всего около 40 саженей, такъ что, не взирая на шумъ волновавшагося моря, Челеевъ съ казаками слышали, какъ съ того берега кричали имъ: дадимъ помощь или сами погибнемъ. Но черезъ нѣсколько минутъ порывистымъ вѣтромъ отнесло льдину въ море за версту и бросало во всѣ стороны по волѣ бурной стихіи болѣе получаса, отламывая куски волненіемъ до того, что подъ конецъ она представляла небольшую массу, имѣвшую около 200 саженей въ окружности. Тутъ Уральскіе казаки показали, чего этотъ бойкій и молодецкій народъ не сдѣлаетъ изъ любви къ своимъ и неустрашимому духу. Знавшіе прежде въ экспедиціяхъ адъютанта Челеева и желая спасти его съ передовыми, они изобрѣтали разныя несбы-

точные для того средства, съ явнымъ пренебреженіемъ всякой опасности; наконецъ урядникъ *Карлъ Гурьевъ* и казакъ *Иванъ Климовъ*, бывшіе на берегу, вызвались раздѣлить участь съ *Челяевымъ*, и на этотъ конецъ придумали связать на крѣпко веревками двое порожнихъ саней, сѣсть въ нихъ самимъ, застаться провіантомъ на достаточное время и пуститься въ море по вѣтру, куда отнесло передовыхъ, и немедленно занялись приготовленіемъ этихъ необыкновенныхъ лодокъ. Самоотверженіе было велико, но оно могло принести пользу погибающимъ только въ томъ случаѣ, когда бы они пристали куда нибудь къ острову.

Прошло болѣе получаса самаго томительнаго ожиданія для бѣдныхъ пловцовъ; вѣтеръ сталъ мало-по-малу утихать и перемѣняться, и вдругъ раздался крикъ: братцы: *городъ городитъ!* Казаки устремились въ ту сторону, куда указывалъ одинъ изъ нихъ, восклицая, спасеніе! *шишаны ставятъ!* Слыша въ первый разъ

въ жизни своей эти слова и непонимая ихъ значенія, Ч. спрашивалъ, чему они обрадовались? тутъ, на походѣ, казакъ Соболевъ сказалъ ему, что отъ перемѣнившагося вѣтра ихъ повернуло въ сторону и придвинуло къ стоящему крѣпкому льду, отъ напора котораго льдину, гдѣ они находились, начало ломать и коробить, что Уральцы называютъ, «шиханы ставить, или городъ городить.» Приблизясь къ окраинѣ шагомъ, со всѣми предосторожностями, и боясь за каждую минуту, чтобъ не проломился подъ ними лёдъ, уже очень ослабшій отъ бывшаго волненія, казаки увидѣли, что они все еще отдѣлены отъ твердыхъ льдовъ водою, аршина на полтора. Ожидать было некогда, потому что ихъ рыхлая льдина быстро разрушалась; надобно было дѣйствовать немедленно; попробовали заставить лошадей перескочить черезъ полынью съ санями, и бѣдное животное, дрожа какъ листъ, но чуя близкую опасность, повиновалось голосу, и всѣ трое

саней очутились на той сторонѣ; за ними послѣдовали казаки и Челяевъ.

Совершивши эту переправу, путники наши не были въ безопасности; они не знали, соединяется ли эта льдина съ берегомъ, или составляетъ пловучую массу, подобную той, на которой они находились, и побуждаемые первымъ влеченіемъ, рѣшились ѣхать по тому направленію, откуда ихъ унесло вѣтромъ въ море. Вдали синѣлся горизонтъ, позади волновалось и шумѣло море; а передъ ними стлалась гладкая и блестящая какъ стекло поверхность льда. Далеко, верстъ за 5, примѣтно было движеніе людей, но было ль это на берегу или на льду, нельзя было отличить. Путники пустились на рысяхъ, и вскорѣ достигли ихъ; это была пятая сотня, уже переправлявшаяся на своихъ пловучихъ мостахъ.

Легко вообразить восторгъ казаковъ: они выбѣжали къ нимъ на встрѣчу; увлекаемая общимъ чувствомъ радости, обни-

малп Чел. и передовыхъ казаковъ безъ различія. Но радость полк. М., связаннаго съ Ч. дружбою и полагавшаго его гибель неминуемою, была непзьяснима. Переправа 5-й сотни, а съ нею передовыхъ, продолжалась около 2 часовъ, послѣ чего они присоединились къ отряду, стоявшему на безопасномъ мѣстѣ около самыхъ береговъ, гдѣ и провели ночь.

Съ этого ночлега отрядъ подвигался впередъ, держась береговъ, и потому ему пришлось дѣлать большіе обходы: одна-кожъ, на третій день, онъ благополучно прибылъ въ Ново-Александровское укрѣпленіе, гдѣ, передневавъ, выступилъ въ дальнѣйшій путь, тѣмъ же порядкомъ и моремъ. По достиженіи Колпиннаго края и Бозачи, верстахъ во 100 отъ укрѣпленія, отрядъ оставилъ свои тяжести, и устроивъ изъ нихъ вагенбургъ, взялъ семи-дневное продовольствіе и пошелъ далѣе къ мѣстамъ кочующихъ Киргизовъ. Развѣдавъ о ихъ близкой кочевкѣ, казаки оставили при небольшомъ прикрытіи

продовольствіе, а самі пошли рысью къ кочевьямъ Киргизовъ, тогда только замѣтившихъ приближеніе Русскихъ и готовившихся къ перекочеванію; удивленіе Киргизовъ было чрезвычайно; долго не вѣрили они собственнымъ глазамъ, пока наконецъ истина не явилась передъ ними во всей своей ужасающей наготѣ. Правда, за нѣсколько времени до того, между ними разнеслись странныя вѣсти, что иногда, на морѣ, были видны блуждающіе огни; иногда показывалась на Сѣверо-западномъ горизонтѣ какая-то неопредѣлительная полоса, словно стадо сайгаковъ перекочевывало; разъ, даже, прибрежные Киргизы, припавъ къ землѣ, слышали вдали какой то гулъ; по все это почитали сверхъестественнымъ явленіемъ, а во все не приближеніемъ Русскихъ, движеніе которыхъ еще отъ самыхъ границъ не могло бы отъ нихъ укрыться. Словомъ, казаки громомъ упали на нихъ, разбили, разметали въ разныя стороны, многихъ взяли въ плѣнъ, перекололи защищаю-

щихся. Потомъ отрядъ, присоединивъ къ себѣ оставленныхъ за нѣсколько верстъ казаковъ, раздѣлился на двое, и пошелъ далѣе, назначивъ общій пунктъ для соединенія мѣсто, гдѣ оставлены были сани. Двѣ недѣли сряду оба отряда были въ безпрестанныхъ движеніяхъ, преслѣдуя, настигая и поражая бѣгущихъ Киргизовъ.

Данилевскому удалось захватить и сжечь три большія лодки, скрытыя въ камышахъ, на которыхъ Киргизы выходятъ въ море на грабежи.

Эту экспедицію они обыкновенно совершаютъ такимъ образомъ: замѣтивъ русскихъ рыбопромышленниковъ, безопасно стоящихъ въ морѣ, скрываются въ своихъ лодкахъ, выставляютъ рыболовные снасти, чтобъ лучше обмануть ихъ, и выждавъ попутный вѣтеръ, быстро налетаютъ на нихъ и захватываютъ часто совершенно беззащитныхъ; потомъ, какъ водится, судно разбира-

ютъ на дрова, а людей уводятъ въ неволю или на продажу.

Чрезъ три недѣли оба раздѣлившіеся отряда соединились, со всѣми плѣнными и множествомъ отбитаго ими скота, и возвратились обратно въ Ново-Александровское укрѣп., а оттуда въ свои границы, моремъ же, послѣ 6-и недѣльной и трудной экспедиціи. Цѣль была вполне достигнута. Киргизы твердо помнили кару Русскихъ, перестали вѣровать въ невозможность экспедицій съ нашей стороны въ зимнее время, и долго не покушались на грабежи въ морѣ.

ПЛЫННЫЙ ПЕРСИЯНИНЪ.

(ХИВА)

ПЛѢННЫЙ ПЕРСИЯНИНЪ.

(ХИВА)

Поле, усѣянное трупами и костями, послѣ кровавой сѣчи, поражаетъ и сокрушаетъ даже людей, привыкшихъ къ подобнаго рода зрѣлищамъ; видъ мертваго человѣка, среди пустынной и безграничной степи, одного, о бокъ съ вѣрнымъ конемъ своимъ, видъ этого странника, застигнутаго на пути или голодомъ или жаждой, съ рукою, простертою къ сторонѣ своей родины и съ выраженіемъ страданій, замершихъ на лицѣ его, — грустиѣе и тяжелѣе для того, кто встрѣтитъ этотъ одинокой трупъ, кто такой же странникъ среди безпріютныхъ степей, кто испыталъ и кому суждено часто испытывать зной и стужу, голодъ и

жажду, буранъ песчаный и снѣжный и все терпѣть и все страдать.... Но для меня было еще больнѣе, еще грустнѣе, послѣ того состоянія одиночества, съ которымъ совершенно свыкаешься во время долгаго странствованія въ степи, вдругъ перенестись въ азійскій городъ, шумный и грязный; возвратиться къ жизни, исполненной тревогъ и страстей; вступить въ борьбу съ людьми.... льстить визирю и окружающимъ его.... и быть вѣчно насторожѣ, на каждомъ шагу остерегаться удара ножомъ изъ—за угла или добраго приема яда въ присланномъ въ подарокъ пловѣ

✓ Сѣть каналовъ, опутывающихъ *Хиву*, представитъ гораздо болѣе затрудненій для военнаго отряда, который бы желалъ въ нее проникнуть, чѣмъ горы *Усть-уртъ* съ Сѣвера, и отроги *Гиндо-Куша* съ Юго-Востока, которыя считали важными преградами въ этомъ случаѣ, пока Русская военная экспедиція 1839 года не

убѣдилась на мѣстѣ, что Усть-уртъ имѣетъ нѣсколько весьма удобныхъ входовъ, а англійскіе офицеры не изслѣдовали Гиндо-Куша, проникнувъ черезъ него на Сѣверъ и на Сѣверо-Западъ. Стѣны, окружающія Хиву, ничтожны для европейской артилеріи. Изъ-за нихъ возвышается бирюзовый куполъ главной мечети и верхушки тополей.... Русскій легко обживется въ Хивѣ; климатъ, и особенно вода, въ ней несравненно лучше, чѣмъ въ Бухарѣ; небо всегда ясно, ночи очаровательны, сады изобилуютъ всякаго рода фруктами, излишнее употребленіе которыхъ едва ли даже вредно здѣсь; по-крайней-мѣрѣ на насъ не имѣло никакого дурнаго дѣйствія; а дыни,—вы можете имѣть о нихъ и понятія по европейскимъ дынямъ: онѣ таютъ во рту, душисты какъ ананасъ и вкусны въ сравненія; не даромъ онѣ пользуются извѣстностью во всей почти Азіи.

Бухарцы отзываются о Хивинцахъ, какъ о варварахъ. Правда, Хивинцы ма-

ло чему учатся; не слишкомъ строго соблюдаютъ религіозные обряды, грубы въ обращеніи; за то характеръ ихъ открытый, хитрость и обманъ не доведены до той утонченности, какъ въ Бухарѣ; болѣе склонны къ общественной жизни и гостепріимны, а потому съ ними легче ужиться, чѣмъ съ другими Средне-азійскими народами.

Хива занимаетъ второстепенное мѣсто въ системѣ Средне-азійскихъ ханствъ; тѣмъ не менѣе покойный ханъ бивалъ часто Бухарцевъ, и не далѣе какъ года два тому назадъ, привелъ изъ похода своего къ границамъ Бухаріи множество плѣнныхъ. Онъ значительно увеличилъ свое ханство переселеніемъ нѣкоторыхъ покоренныхъ имъ племенъ Туркменовъ и плѣнныхъ Персіянъ и Бухарцевъ; съ Коканцами Аллахъ—Кули-ханъ жилъ большею частию въ дружбѣ и состоялъ въ родствѣ съ ханомъ; Киргизовъ—тѣхъ, которые признаютъ власть Хивы—держалъ въ страхѣ. Съ Персіянами почти всегда

враждовалъ и часто опустошалъ ихъ границы. Но я еще буду говорить о ханѣ въ другомъ мѣстѣ.

Дни текли обычною чередой, длинно и скучно. Я рвался въ путь, на свободу; но дѣла здѣсь ведутся медленно: надобно было выжидать и терпѣть. Я находился постоянно въ какомъ-то напряженномъ положеніи; кромѣ того, съ нѣкотораго времени меня мучило сновидѣніе, которое повторялось чрезвычайно часто: оно не имѣло въ себѣ ничего ужаснаго, но ложилось на чувства, на душу, какимъ-то тяжелымъ камнемъ, какимъ-то злымъ кошмаромъ. Едва я закрывалъ глаза, ко мнѣ являлся человекъ, котораго я никогда не видѣлъ на яву, унылый, блѣдный, высокаго роста, съ окладистой черной бородой, и сложивъ на-крестъ руки, потупивъ глаза, становился передо мною, и я въ томленіи ожидалъ, чтобы онъ началъ говорить, но онъ молчалъ; я силлся спросить, что ему было нужно

старался оттолкнуть отъ себя! но всѣ усилія мои были тщетны, и мнѣ было невыносимо тяжело, пока, напрягшись, я не исторгался наконецъ отъ злаго сна. Такъ прошло нѣсколько времени; я приписывалъ это дѣйствию лѣтнихъ жаровъ или желудка, принималъ прохладительныя средства: все напрасно. — Мнѣ наконецъ казлось, что если бы я увидѣлъ этого человѣка на яву, то онъ бы меня не тревожилъ болѣе во снѣ, и вскорѣ дѣйствительно увидѣлъ его....

Я васъ предупреждаю, что въ разсказѣ моемъ вы встрѣтите нѣкоторыя непонятныя вещи, что лицо, о которомъ я говорилъ слишкомъ странно; его знаютъ двое бывшихъ моихъ спутниковъ въ Хиву и объ немъ теперь еще многіе вспоминаютъ тамъ. Надобно же было случиться, чтобы и самая встрѣча моя съ нимъ представляла въ себѣ нѣчто раманическое. Вотъ какъ это было: ханъ, желая оказать мнѣ особенную свою благосклонность, пригласилъ меня на охоту съ со-

колами и беркутами, которую онъ страстно любилъ; охота была удачная, и ханъ былъ очень веселъ; самъ спустилъ онъ съ рукъ своего сокола и любовался, какъ тотъ сначала залеталъ въ высь, выглядывая добычу, и потомъ стремглавъ изъ за небесъ кинулся на жертву; но вдругъ, у самой земли, всполохнулся, взмахнулъ крылами и поднялся вверхъ; ясно было, что онъ испугался чего-то необыкновеннаго; думали, что въ камышахъ, надъ которыми онъ взвился, скрывался дикой кабанъ и радовались нежданной встрѣчѣ; но посланные на развѣдки объявили, что нашли человѣка. Къ указанному мѣсту подѣхалъ ханъ, а за нимъ и я; вообразите же мое удивленіе—этотъ чело-вѣкъ былъ мое почное видѣніе, мой кошмаръ! Онъ стоялъ передъ ханомъ, блѣдный, съ потупленными глазами, со сложенными на груди руками, и ожидалъ смерти, но не молилъ о прощеніи. — Мустафа, сказалъ ханъ, безъ труда узнавши своего плѣнника, персіянина, ко-

тораго онъ любилъ и отличалъ, развѣ тебѣ худа у меня; за чѣмъ ты бѣжалъ?

— Дома жена.... двое дѣтей: имъ нечего ѣсть, отвѣчалъ отрывисто плѣнникъ. Ханъ обратился къ Дестерханджи: — Дать ему жену и десять тиллъ; *) пускай пять изъ нихъ отошлетъ дѣтямъ, а на остальные обзаведется самъ, и не слушая благодарности Мустафы, отправился далѣе. Никто изъ бывшихъ тутъ не ожидалъ такого милостиваго окончанія дѣла. Желалъ ли ханъ выказать свое великодушіе передо мною, пощадилъ ли онъ плѣнника потому, что считалъ его необходимымъ человѣкомъ для своей артиллеріи, боялся ли его чародѣйства, или просто онъ въ этомъ дѣлѣ руководствовался движеніемъ собственнаго чувства,—я не знаю; но къ чести Аллахъ-кули хана скажу, что примѣры подобнаго великодушія были не рѣдки въ его жизни.

Съ этихъ поръ, я дѣйствительно изба-

*) Тилла почти равняется четыремъ рублямъ сер.

вился отъ тяжкаго сповидѣнія, за то часто встрѣчалъ Мустафу на яву; онъ, вмѣстѣ съ нашимъ русскимъ плѣннымъ, который нѣкогда торговалъ пряниками въ Астрахани, завѣдывалъ всею артиллеріею хана, если можно назвать артиллеріей нѣсколько пушеченокъ на телѣжныхъ колесахъ, или вовсе безъ колесъ.

Объ Мустафѣ рассказывали чудеса въ Хивѣ: говорили, что онъ проникалъ тайныя мысли другаго, вызывалъ по произволу тѣни давно умершихъ, предсказывалъ будущее. Самъ ханъ вѣровалъ въ его сверхъ-естественный даръ и уважалъ его. Я избѣгалъ вообще сношеній съ посторонними людьми, но съ Мустафой какъ-то невольно сошелся. Это было несчастнѣйшее существо на свѣтѣ, находившееся въ постоянной борьбѣ съ самимъ собою и съ внѣшнимъ міромъ, его нравственное начало, не укрощенное образованіемъ, преобладало въ немъ, и тѣло, изнеможенное, невыдерживало порывовъ души пылкой и сильной. — Вотъ исторія его жи-

зны: Мустафа родился въ какой-то персидской провинціи и былъ въ дѣтствѣ пастухомъ; тутъ уже замѣтили его странную власть надъ окружающими предметами; чтобы собрать свое стадо, разсѣянное на далекомъ пространствѣ, ему стоило только обвести взоромъ своимъ вокругъ, и овцы его сбѣгались къ нему, въ какуюбы пору дня это не было, и слѣдовали за нимъ съ покорностію непонятной. Никогда ни одна овца не отлучалась отъ него и не пропадала; кромѣ того, его взоръ охранялъ стадо отъ нашествія волковъ и шакаловъ надежнѣе цѣлой стаи собакъ.—Вскорѣ молва стала привлекать къ нему людей суевѣрныхъ, и особенно больныхъ, испрашивавшихъ выздоровленія, и нерѣдко одного его прикосновенія, одного взгляда, было достаточно, чтобы облегчить мученія страждущаго. Слава его распространилась далеко, но онъ не искалъ, а убѣгалъ ея; удалялся по цѣлымъ недѣлямъ въ горы или лѣса, и проводилъ тамъ вре-

мя въ молитвѣ, въ постѣ, предаваясь
размышленіямъ; но тщетно старался онъ
найти отвѣтъ въ своемъ умѣ на тѣ во-
просы, тѣ сомнѣнія, которыя потрясали
его, тщетно старался найти разгадку
своей жизни. Предавшійся совершенно
религіи, онъ встрѣчалъ однѣ сомнѣнія и
горько каялся въ томъ, и не могъ ото-
гнать отъ себя разочарованія; онъ было
хотѣлъ принять правила Суннитовъ, *)
считая одинъ законъ Магомета непре-
ложнымъ, но и тутъ встрѣчалъ повсюду
заблужденія. Приписывая это соблазну
дьявола, а не собственному убѣжденію,
онъ каялся, и опять сомнѣвался, и терза-
ніямъ его небыло конца. Тѣло его осла-
бѣло, за то зрѣніе и слухъ утончились до
невѣроятности; онъ безошибочно пред-
сказывалъ приходъ каравана дня за два;
но всего замѣчательнѣй въ немъ были
сила и вліяніе его мысли, которыя не

*) Персіяне--шіиты.

разъ служили ему на пагубу. Вотъ какимъ образомъ онъ попалъ въ плѣнъ. Живя въ пограничной провинціи, онъ долженъ былъ частовстрѣчаться, съ оружіемъ въ рукахъ, съ Туркменами; былъ храбръ и презиралъ опасность. Однажды напали на него нѣсколько человѣкъ: аргамакъ Мустафы былъ свѣжъ и силенъ, и однимъ взмахомъ оставилъ далеко за собою нападающихъ, которыхъ лошади были уже изморены продолжительной ѣздой; какъ вдругъ у Мустафы родилась мысль, что его могутъ настигнуть, что конь можетъ измѣнить ему, и эта мысль не покидала его на перекоръ всей силы желанія изгнать ее; онъ предвидѣлъ ея погубное вліяніе; отчаяніе овладѣло имъ; онъ опустил поводья, его аргамакъ сбавилъ шагъ.... настигнутый непріателемъ, Мустафа, беззащитный, отдался въ плѣнъ.

Онъ самъ рассказывалъ мнѣ послѣднія приключенія свои: давно уже онъ затѣялъ оставить Хиву и хана; но первая мысль его была обратиться къ кому и молить, чтобы

я выкупилъ или выпросилъ его у хана, или наконецъ, тайно взялъ съ собою: эта мысль не покидала его нѣсколько дней и была такъ сильна, что вполне отразилась, какъ я уже сказалъ, въ ночныхъ моихъ сновидѣнiяхъ:—я предугадывалъ это, прибавилъ Мустафа, но не могъ пособить, а люди приписываютъ мнѣ такую всемогущую силу. Не рѣшившись просить тебя,—я бѣжалъ; но всю дорогу думалъ о ханѣ, думалъ о томъ, чтобы было, если бы онъ настигъ меня, и, знаю, своею постоянною мыслию, которую ни какъ не могъ отогнать, я привлекъ къ себѣ хана....

Мустафа былъ постоянно печаленъ; едва улыбка касалась устъ его, онъ спѣшилъ согнать ее, предвидя въ ней, по какому то непонятному предубѣжденiю, знаменiе будущихъ бѣдствiй. Недовѣрчивый къ себѣ, онъ былъ недоувѣрчивъ и къ людямъ, и только увлекаясь порывомъ чувствъ, онъ иногда высказывалъ

вполнѣ свою душу, и потомъ раскаявался въ этой невольной измѣнѣ самому себѣ.

Мустафа первоначально былъ купленъ Магметъ-Рахимомъ, который въ то время еще не былъ ханомъ и усыплялъ лестью своего старшаго брата, Кутли Мурата, кроткаго, слабаго, утратившаго званіе и достоинство хана и довольствовавшегося названіемъ пнаха. Магметъ-Рахимъ былъ неукротимъ въ страстяхъ, воли желѣзной и непреклоннаго сердца. Послѣдствія мнимой дружбы двухъ братьевъ легко было предсказать, но не въ томъ ужасающемъ видѣ, какъ онѣ случились и какъ предсказалъ ихъ, говорятъ, Мустафа. Онъ представилъ Магметъ-Рахиму его самаго, по колѣно въ крови.... окруженнаго трупами казненныхъ имъ братьевъ.... попирающаго ногами самыя непреложныя статьи корана, терзающаго народъ свой.... представилъ его ханомъ.... и Магметъ-Рахимъ обнялъ его, и осыпалъ милостями, когда пророчество сбылось; а пророчество сбылось, какъ извѣстно, во

всей своей силѣ! Время ханства Магметъ-Рахима, предшествовавшего Аллахъ-Кулихану, народъ твердо помнитъ, какъ страшную кару суда Божія.—За милостями хана, послѣдовалъ его гнѣвъ, и вотъ по какому случаю, какъ гласитъ преданіе,—самъ Мустафа ничего объ этомъ не говорилъ.

Магметъ-Рахимъ, котораго петрогали, не щекотили болѣе никакія казни, искалъ новыхъ побужденій, чтобы разшевелить свои утомленные чувства, новыхъ средствъ, чтобы испытать терпѣніе народа и, въ случаѣ его волненія, накинуться на него опять голоднымъ волкомъ; онъ вспомнилъ, что отецъ его, Ельтезеръ, былъ женатъ на дочери потомковъ Сеидовъ, *) что у мусульманъ почитается въ высшей степени нарушеніемъ закона, и рѣшился послѣдовать его примѣру; Мустафа, пользуясь милостями хана,

*) Сеиды ведутъ свое происхожденіе отъ самаго Магоммета.

осмѣлился ему высказать весь ужасъ такого преступленія, напомнилъ гибель его отца, который, вскорѣ послѣ такого брака, утонулъ, переправляясь черезъ Амударью, что явно свидѣтельствовало небесный гнѣвъ за оскорбленіе корана, — все было напрасно : Магметъ-Рахимъ хотѣлъ показать, что онъ выше закона пророка, и бракъ совершился; но въ первую ночь, послѣдовавшую за нимъ, ханъ заснулъ сномъ крѣпкимъ и продолжительнымъ, а его дѣвственная супруга исчезла съ брачнаго ложа.... Разъяренный ханъ рвался и метался во всѣ стороны; поражалъ все, что ему ни попадалось подъ руку; онъ призвалъ къ себѣ Мустафу и требовалъ, чтобы тотъ возвратилъ ему жену, не то клялся казнить его немедленно. — Твою жену можетъ возвратить тебѣ одинъ пророкъ, изторгшій ее отъ грѣха; казнить же ты меня можешь сію минуту: я готовъ. — Равнодушіе Мустафы устратило хана, который вѣровалъ въ его чародѣйственную силу;

онъ довольтвовался тѣмъ, что отправилъ его въ дальнія свои владѣнія, гдѣ Мустафа провелъ нѣсколько лѣтъ въ рабствѣ и пыткѣ, пока новый ханъ, Аллахъ-Кули, не исторгъ его оттуда. *)

Конецъ Мустафы былъ самый печальный. Случилось какъ то, что онъ былъ необыкновенно веселъ; ему замѣтили это, и онъ вдругъ измѣнился, поблѣднѣлъ и замолкъ; бывшіе тутъ мусульмане съ благоговѣніемъ глядѣли на его суевѣрный страхъ, и нѣкоторые рѣшились спросить, что онъ предзнаменуетъ?—Меня ожидаетъ большое несчастіе! — Болѣе смерти ничего случиться не можетъ, отвѣчали ему въ утѣшеніе; а смерть только возрожденіе къ жизни: все въ волѣ Аллаха!—Хуже смерти, сказалъ Мустафа, и распорядился своимъ небольшимъ достояніемъ. На другой день онъ всталъ

*) Аллахъ-кули—ханъ умеръ въ прошломъ году; нынче ханствуетъ старшій сынъ его Рахимъ-кули—ханъ.

съ постели, пошатываясь, съ какими-то судорожными движеніями, въ состояніи совершенно для него непонятномъ; онъ не узнавалъ ни людей, ни предметовъ, окружавшихъ его; слова его и поступки показывали дѣтское незнаніе.... онъ сошелъ съ ума....

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стран.</i>
Предисловіе	1
Зюльма, или женщина на востокѣ. (Ташкентъ).	7
Нессръ-Улла ханъ и Кучъ-беги (Бу- хара).	37
Экспедиція на пути въ Бухару, и военная экспедиція, дѣйствовав- шая противъ Хивы.	59
Англійскіе офицеры въ Средней Азіи.	147
Военная экспедиція по закраинамъ льда у восточныхъ береговъ Ка- спійскаго моря	175
Плѣнный Персіанинъ (Хива). . . .	201

ОТЪ АВТОРА

Историческое
описание, или летопись
(Титул)

Городъ, или село и село-при-
(И)

вспомогательнаго по части въ
военная экспедиция, или
тако именованъ Хлебъ

Александръ Александръ въ
Алге

и истинно, какъ и по
въ военную экспедицию, или

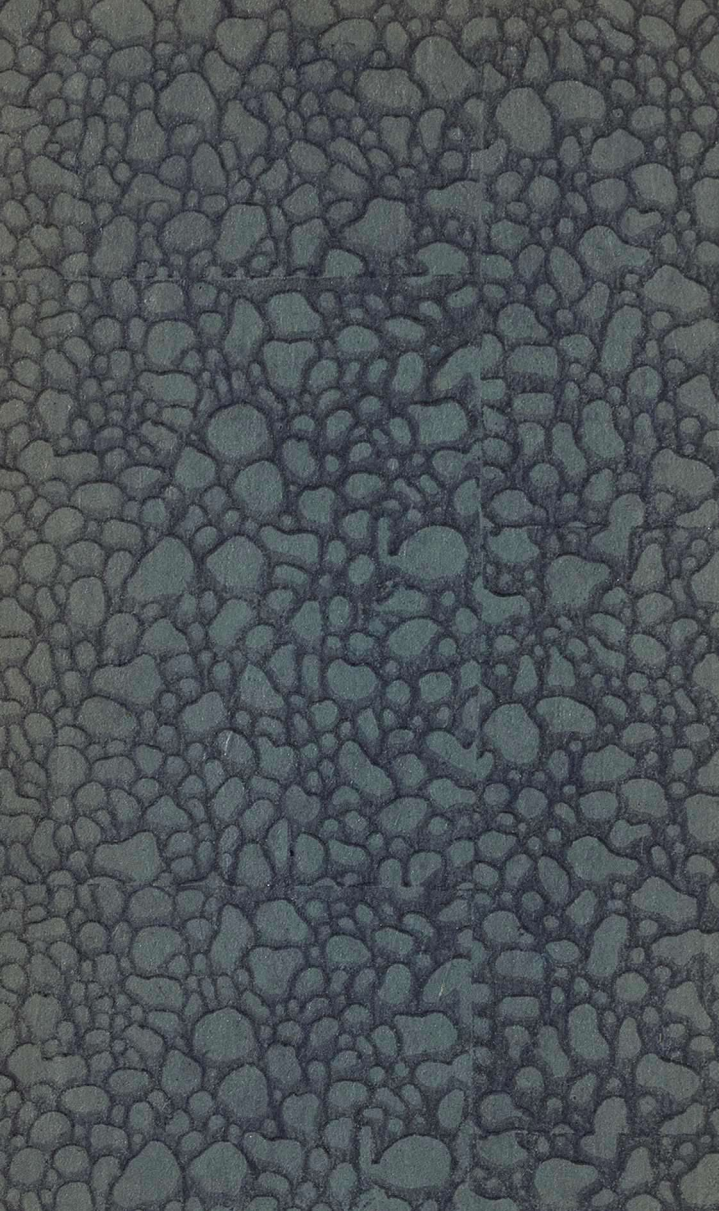
вспомогательнаго по части
Хлебъ (Хлебъ)

14 а.

Цена 50 коп. серебромъ.

17

37

1500213911